

КСЕНИЯ ХАН

ДРАКОН
В СВЕТЕ ЛУНЫ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х19

Иллюстрация на переплете и форзаце – SOFA

Дизайн переплета *Екатерины Петровой*

Карта на обороте форзаца *Ксении Хан*

Хан, Ксения.

Х19 Дракон в свете луны / Ксения Хан. — Москва : Эксмо, 2022. — 448 с.

ISBN 978-5-04-112012-2

Сон Йонг — обычная девушка, встречается с коллегой-красавчиком и планирует счастливое будущее.

Однако простая прогулка по парку приводит ее в Чосон XVI века, где живы мифические чудовища и проводятся магические ритуалы, а в небе летает настоящий дракон.

Йонг пытается выстоять, но этот Чосон отличается от того, о котором написано в учебниках. Чтобы вернуться домой, Сон Йонг придется разобраться в себе, в измененной истории не-Чосона и в судьбе загадочного капитана драконьего войска.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

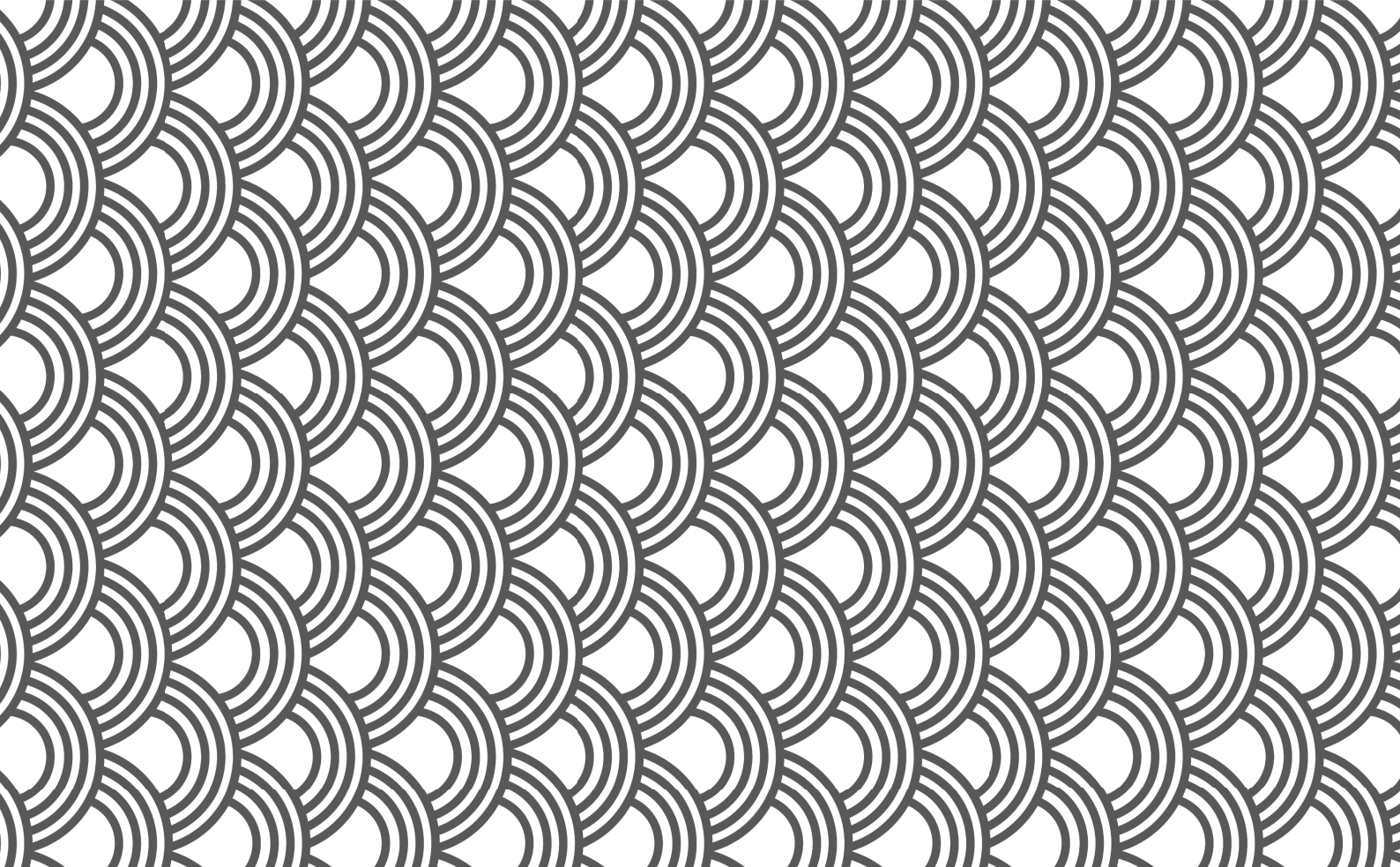
© **Ксения Хан, текст, 2022**

© **Оформление.**

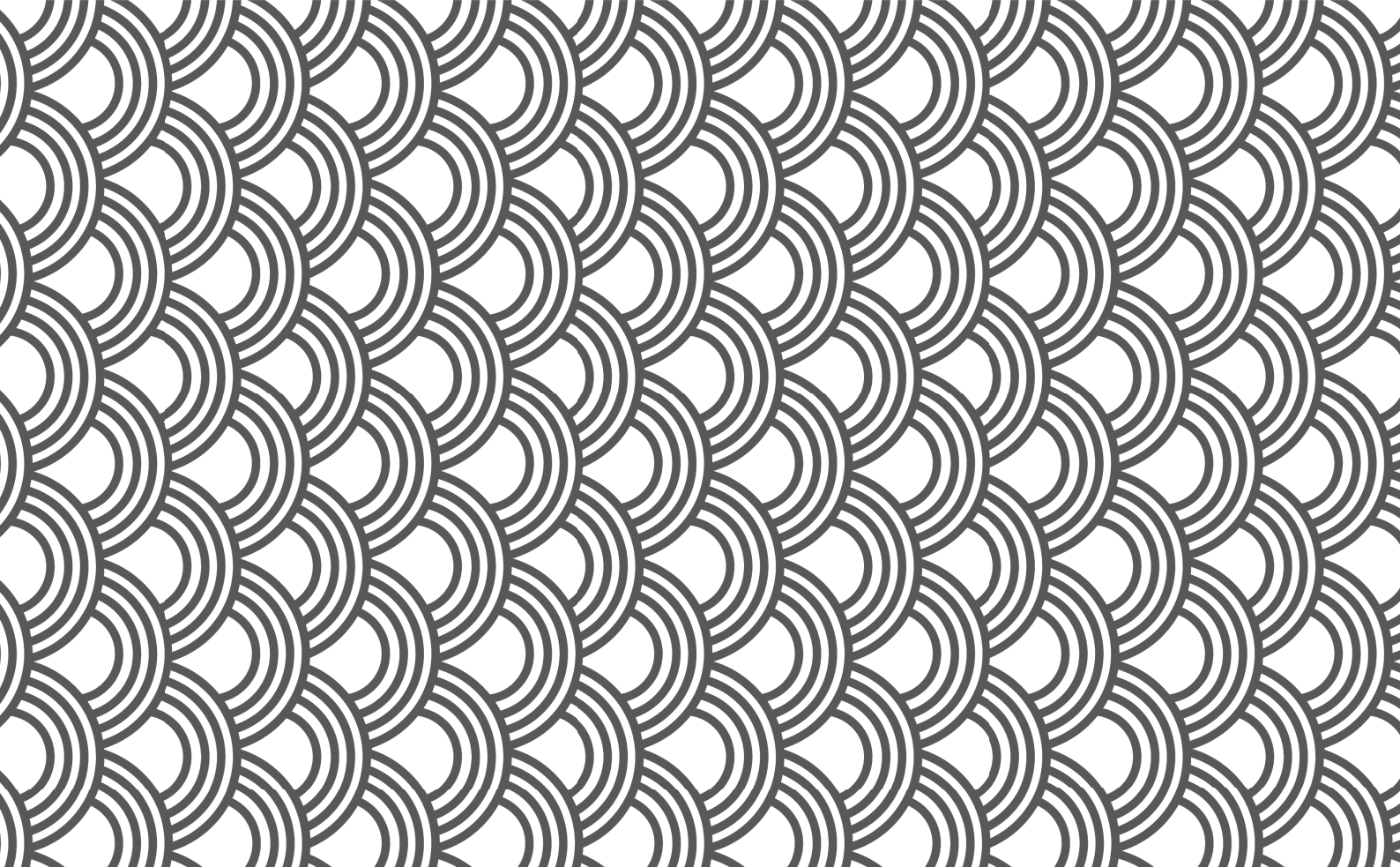
ISBN 978-5-04-112012-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Посвящается корейской половине
моей семьи и маме, которая сказала,
что писать посвящения мне ещё рано.*

Происходящее в драме частично основано на исторических событиях Корейского полуострова времён XVI века, но персонажи, инциденты и упомянутые факты не соответствуют правде. Все совпадения с реально существующими людьми случайны.

О
Т
С
У
Т
С
Т
В
И
Е
П
Р
Е
Д
Е
Л
А

*Остров Цусима, 1580 год,
год Металлического Дракона*

Делегация из Чосона — мастер Вонгсун, два его ученика и небольшой отряд — прибыла в храм Белого Тигра одновременно с японцами. Генерал Тоётоми, его сын и пехотинцы-асигару ждали у западного склона горы. Мастер Вонгсун поклонился, его ученики, весело переглянувшись, тоже согнулись в приветственном поклоне. Генерал удостоил их лёгким кивком головы.

Японский отряд поднимался по горной тропе первым, мастер Вонгсун и его ученики шли позади.

— У него такие начищенные доспехи, — шептал старший ученик мастера, глядя в спину генеральского сына, — хорошая из него мишень получится в солнечный день.

Младший ученик усмехнулся и возразил:

— Он вряд ли выезжает из арьергарда на передовую.

— Тогда ему и доспехи ни к чему...

— Что я вам говорил, — прервал ехидные шутки своих подопечных мастер Вонгсун, — проявите уважение. Сын генерала прибыл сюда не для вашего зубоскальства.

— А чтобы хоть кому-то показаться в новых доспехах, — хохотнул старший ученик. Младший засмеялся, толкнул его в бок на повороте тропы. Сопровождающие их воины сделали вид, что ничего не замечают.

Храм Белого Тигра ждал обе делегации, распахнув истёртые временем двери. На пороге стояла, смиренно ожидая приближения гостей, Лан, молоденькая с виду дочь шаманки. Она поклонилась генералу и мастеру и тихо сказала:

— Она ожидает вас. Всё готово.

Генерал и мастер зашли в храм друг за другом, ученики мастера шли следом и продолжали шептаться, и их тихие голоса теперь, вместе с заплутавшим ветром, уносились ввысь, под старые своды храмовых стен и крыши, и застревали там в пыльной паутине:

— Зачем в этот раз японцы прислали целого генерала? Ещё и сына притащил!

— А нас зачем позвали, ты, глупый?

— Один из нас преемник мастера, а второй будет его Хранителем, нас наставления Кэмеко больше всех касаются!

— Это ещё не решено наверняка.

— Много ты понимаешь. Ты младше меня, вот и не знаешь ничего.

Они приблизились к помосту, на котором восседала шаманка Кэмеко — седовласая старуха с изрезанным морщинами лицом, под которыми скрывались старые шрамы от когтей лисицы. Прежде жители острова считали, что она кицунэ¹. Кэмеко не спускалась с горы уже более двадцати лет, а лисиц в лесах Цусимы не видели ещё дольше, и слухи со временем переплелись с местными сказками.

Окружённая ворохом белых одежда Кэмеко сидела с абсолютно прямой спиной и смотрела на прибывших за её советами отстранённым взглядом: один глаз у неё

¹ В японском и китайском фольклорах демоническая лисица-оборотень, способная принимать облик человека. По преданиям, эти существа отличаются мудростью, длинной жизнью (иногда измеряемой в сотнях лет) и различными магическими способностями.

был затянут бельмом; вторым, серым, она смотрела только вперёд, и было не совсем понятно, видит ли шаманка своих гостей или только прислушивается к их осторожным шагам.

Генерал Тоётоми и мастер Вонгсун сели перед шаманкой на колени и низко поклонились. Сын генерала и ученики мастера остались стоять поодаль, за вторым кольцом деревянных колонн, окружающих главный помост. Младший ученик рассматривал посеревшие от времени изображения белого тигра на стенах храма, старший ковырял носком сандалии дыру в истлевшей половине.

— В прошлый визит ты был старше, — выдала вдруг шаманка хриплым голосом, глотая звуки. Было непонятно, к кому она обращается: голову старуха не поворачивала ни в одну сторону, руки держала на коленях, и дрожащие пальцы указывали в пол.

— Десять лет назад вас навещал Асано-сан, мой тесть, — склонился с ответом генерал Тоётоми.

— А с тобой был сын, — сказала шаманка, на этот раз мастеру Вонгсуну. Мастер прижал ладони ко лбу и тоже поклонился.

— Это был мой старший ученик, Кэмеко-сан. Не сын. Но он и сегодня со мной.

— Не с тобой он, — возразила старуха, понизив голос. — Вижу, он покинул тебя.

Ученики не понимали японского и не знали, что встревожило их мастера — только по дрогнувшей спине поняли, что беседа с шаманкой идёт не так, как мастер Вонгсун предполагал.

— А твой сын по чужой земле ходит, — продолжала Кэмеко, теперь обращаясь к генералу. — Ест и сытым не становится.

Генерал Тоётоми не изменился в лице, но рядом стоящие асигару заметили, как заходили желваки у него под кожей. Ученики мастера переглянулись, пожали плечами, и младший не сразу расслышал скрипучий голос старухи Кэмеко:

— Всех время рассудит... И металлический дракон.

Мастер Вонгсун и генерал одновременно вскинули головы и посмотрели на неподвижную шаманку.

— Металлического дракона не видели сотни лет, Кэмеко-сан, — напомнил Тоётоми. Его сын, стоящий вдалеке от помоста на одном уровне с учениками мастера, сделал шаг вперёд, но ему преградила путь дочь шаманки.

Седьмой раз приглашала Кэмеко гостей в свой храм огласить пророчество на грядущее десятилетие — и ни разу за всё это время никто не осмеливался прерывать её речи. Генеральский сын не станет исключением и сегодня.

— Вижу, война грядёт, — прохрипела старуха надрывно. — Судьба мира ляжет на плечи наших детей. Тяжёлое будет время. Бездна следит за нами. Закрыты глаза её, но поднимет она свои веки.

Генерал сердито вздохнул, мастер Вонгсун принял тяжёлые слова со смирением.

Кэмеко вдруг хрипло втянула ртом воздух; завыл внезапно прорвавшийся в храм ветер, просвистел мимо учеников мастера и мимо генеральского сына, взвился вдоль колонн под крышу. В визгливых порывах гости шаманки услышали её последние слова:

— *И явится из чёрной Бездны металлический дракон, и выберет путь — его выбор предрешит исход войны.*

Ч
Ё
Р
Н
А
Я
Д
Ы
Р
А

•

В
Е
Л
И
К
И
Й
П
Р
Е
Д
Е
Л

1

*Пусан, Южная Корея, 2024 год,
год Деревянного Дракона*

Проклятье!

Мысленного ругательства было мало — Сон Йонг пнула ножку стола и тут же об этом пожалела: ноутбук задрезжал по неровной поверхности, стакан с кофе опасно качнулся, грозя опрокинуться и затопить приторно-сладким латте и без того поганые результаты её вычислений. Она схватилась за стаканчик, продолжая ругать равнодушные цифры на мониторе компьютера.

От неё требовалось только пересчитать данные и сообщить руководителю Паку, что он всё сделал правильно, — от этого зависел успех презентации её отдела в завтрашнем демонстрационном дне, когда весь институт представляет свои проекты на следующий год. А теперь Йонг смотрела на цифры в таблице и не могла понять, где допустила ошибку.

Пожалуйста, пусть всё сработает как надо, пусть это только глюк системы! Йонг запустила данные в обработку в третий раз — компьютер подвис на мгновение и выдал ей не красивую кривую в графике изменения аккреационного диска чёрной дыры, а восемь ломаных

линий, больше похожих на лапы паука, чем на что-то вменяемое.

Проклятье, чтоб её!

Руководитель Пак вернётся с собрания в шесть вечера, сейчас на часах только половина четвёртого. Если Йонг забудёт на обед, то успеет перепроверить всё ещё раз... И пусть боги помогут ей с этим.

— Говорят, к нам переводят новичка из вышестоящего отдела, — бодро заявила Юна со своего места.

— Я слышал, он ничего не умеет делать, потому его и переводят, — отбрил Тэгён, не отрываясь от компьютера. Он строил из себя трудоголика, но всем было известно, что он главный лентяй в офисе: руководитель Пак два раза в этом месяце ловил его за игрой в какие-то китайские аркады. Тэгёну всё сходило с рук, потому что он оба раза умело подлизывался к начальству. Скользкий везучий тип.

— Сон Йонг, Ким Рэвон-щи¹ ничего про это не знает?

— А?

Юна выкатилась на стуле в проход и нашла взглядом сторбленную спину подруги, сидящую через три пустующих стола от неё.

— Сонбэ² ничего про новичка не знает? Его переводят из отдела М-87. Я слышала, он там не прижился, хотя умненький.

— Не слышала, — отмахнулась Йонг, — прости, Юна, у меня тут...

Новая проверка опять выдала какую-то ересь. Йонг с досады ударила кулаком по столу; тот загромыхал вме-

¹ Частица для формального уважительного обращения в корейском этикете, аналогично старому «госпожа-господин» или «миссис-мистер».

² Обращение младшего коллеги к старшему по корейскому этикету.

сте с ноутбуком, сваленными в кучу блокнотами и пустыми стаканчиками из-под кофе, Тэгён испуганно ойкнул и вскочил с места.

— Сон Йонг! Скажи руководителю, что отчёт верный, его всё равно перепроверять не будут. Разберёшься после демо-дня.

— Не могу, — сердито ответила Йонг. — После демо-дня все презентации уйдут в М-87, я не хочу, чтобы они получили от меня чушь вместо адекватных данных.

— Ну, там тебя твой жених прикроет, — съехидничал Тэгён. Йонг посмотрела на него поверх перегородки между их столами и чуть не плюнула в его сторону.

— Он мне не жених, — едва слышно процедила Йонг.

— Ну, будешь так волосы на себе рвать, он им и не станет, — согласился Тэгён без задней мысли. Йонг взглянула на него с недоумением, и он кивнул: — У тебя на голове уже не причёска, а гнездо. Много нервничаешь, Сон Йонг, а отчёт даже не твой. Брось его и иди на свиданку со своим любимым сонбэ, чего зря переживать.

Слабенький голосок внутри Йонг нашёптывал ей, что стоит согласиться с коллегой, оставить чужие ошибки и отправиться на особое свидание с Рэвоном, о котором она успела размечтаться — даже надела новые туфли, и они стёрли ей пятки до крови за те пару часов, которые Сон Йонг потратила на отчёт. В конце концов, уговаривал её голос, руководитель Пак не похвалит Йонг, если она вернёт ему отчёт с ошибкой, да ещё и сообщит об этом прямо перед демо-днем. И сонбэ будет ждать её...

Но это она будет завтра смотреть презентацию из общего зала и ждать вердикта от руководящего состава института, она будет нервничать и переживать, что закрывшаяся ошибка повлияет на все дальнейшие вычисления...

И это она выест себе печень, словно кумихо¹, если не исправит всё сегодня.

Проклиная себя и помня, что Рэвон терпеливее и добрее, чем сама Йонг, она вернулась к вычислениям.

Рэвон ждал её в кафе на первом этаже: сидел у окна с подносом, на котором стоял стаканчик с кофе. Кафе уже не работало, в зале царил комфортный глазу полумрак — идеальная атмосфера для тихой беседы. Хотя Рэвон обещал провести этот вечер в более романтичном месте; оттого волновалась Йонг в три раза сильнее, чем на их первом свидании.

Она застыла в дверях, пригладила растрепавшиеся волосы и оглядела себя в мелькнувшем в изогнутой поверхности колонны отражении. Светлая блузка (это что, пятнышко от кофе на воротничке?), чуть мятые брюки... Но в целом Йонг выглядит прилично для той, кто провёл несчастные два часа, согнувшись над столом с отвратительным отчётом. Зато она нашла, что искала (вечно эта невнимательность!), и получила красивый график.

Она натянула на лицо чуть дрожащую улыбку и прошла до стола, где её поджидал Рэвон.

— Сонбэ, — тихо позвала Йонг. Тот обернулся; в тени, мазнувшей его по щекам, лицо Рэвона показалось ей серьёзнее обычного, словно заострившееся, осунувшееся и оттого непривычно холодное.

— О, Сон Йонг-ши! Всё хорошо?

Йонг коротко кивнула и села за столик.

¹ В корейской мифологии — лисица-оборотень. По преданиям, кумихо обращались в красивых девушек, соблазняли мужчин, а потом съедали их печень или сердце.

— Прости, мне пришлось задержаться, я там... Неважно. Не хотела заставлять тебя ждать.

— Это ничего, Сон Йонг, — улыбнулся сонбэ и покраснел. Йонг прикусила щёку изнутри, чтобы не расстечься смущённой лужицей по стулу. Это ведь очень ответственное свидание, верно? Рэвон не зря намекал всю неделю, что сегодняшней вечер запомнится ей надолго...

— Я-э... — Йонг заметила, как сонбэ стискивает руки в кулаки и тут же их разжимает. Явно нервничает: словно не знал, что Йонг, как маленькая, ждала подобного свидания с ним все полгода их стремительных отношений.

— Пойдём, Сон Йонг-щи. — Он улыбнулся и встал с места. — Я хотел бы отвезти тебя в особенное место, ты не против?

Йонг запнулась о ножки столика; сонбэ вовремя подставил ей руку и не дал упасть. Она же не придумала себе этот вечер? Сонбэ действительно готов задать ей *тот самый* вопрос!

Ким Рэвон перевёлся в их пусанский космический институт из столичного и сразу же стал звездой: говорили, в его отделе парня умнее не было, его доклады о поведении чёрных дыр заставляли всех остальных коллег в М87 кусать локти. Руководство гордилось им и негодовало, отчего он не приехал к ним раньше и зачем Сеул скрывал такой талант от Пусана. Йонг нравилось, что Ким Рэвон был неизменно вежлив со всеми, а ещё — что он осторожно улыбался всякий раз, как замечал на себе её взгляд во время обеда. Если бы Рэвон не пригласил её погулять через месяц после знакомства, Сон Йонг сама бы не выдержала и наведалась в офис М87 с шоколадом¹ и неуклюжим признанием в любви.

¹ В Корее шоколад принято дарить в День всех влюблённых в качестве универсального подарка. Сладости на 14 февраля обычно преподносятся мужчинам.

— Твоя группа готовит доклад про аккреационные вспышки. — Рэвон придержал дверь, Йонг выскочила в прохладу вечера перед сонбэ и застыла, потирая одной ногой другую. — Что ты об этом думаешь?

— Прости?

Сонбэ улыбнулся и жестом пригласил Йонг пройти по аллее, ведущей к остановке при институте.

— Что находится по другую сторону чёрных дыр, Сон Йонг-щи? — внезапно спросил Рэвон.

— Я... — Йонг облизнула пересохшие губы. Он хочет обсудить с ней старую как мир тему? — Я считаю, внутри чёрной дыры мир наизнанку вывернут, но... Это просто фантазии, сонбэ.

Она осеклась, взглянула на Рэвона. Мама всегда говорила, что нельзя говорить всё, что она думает, это плохо сказывается на отношениях с людьми в обществе. Но в тени парковой зоны Йонг рассмотрела не смущение на лице сонбэ, а нездоровый блеск в его глазах, который наблюдала всякий раз, когда они заговаривали о работе. Преданный своему делу, почти фанатично исследующий чёрные дыры, Рэвон в этом был похож на Йонг и оттого нравился ей только сильнее.

Сонбэ подал Йонг руку, подходя к остановке. Она на всякий случай обернулась — не поджидают ли их любопытные коллеги, мечтающие разнести сплетни по всему институту, — и только тогда смущённо ухватила за ладонь Рэвона.

— Всё ещё волнуешься, что о тебе будут говорить Юна-щи и Тэгён-щи? — улыбнулся Рэвон. Йонг дёрнула плечом, и он сжал её пальцы в своих, тёплых. Рванный шрам поперёк его ладони привычно царапнул влажную от волнения кожу.

— Немного. Они, ты ведь знаешь, они чересчур мнительные.

Рэвон тихо рассмеялся.

— Это ты мнительная, Йонг.

Пожалуй. Сон Йонг, как и в первые их свидания, чувствовала себя неуверенной и абсолютно не готовой к той волне любви и заботы, что на неё обрушилась с появлением парня. У неё было не так много опыта в отношениях — Рэвон был первым молодым человеком, из-за которого она позволила мечтать о продолжении длиною в жизнь, и эта новая, *жадная* Йонг пугала её.

Они сели в автобус на юг. Сон Йонг удивилась, но виду не показала, хотя всю дорогу, что Рэвон держал её за руку, дрожала от предстоящего разговора.

— Всё... в порядке? — осторожно спросил Рэвон. Йонг моргнула, словно очнулась от короткого сна, и несмело улыбнулась.

— Да. Да. Переживаю за демо-день.

Рэвон кивнул.

— Всё будет в порядке. Ты сделала всё, что могла, и теперь будущее института зависит уже не от тебя.

— Почему? — сбилась с мысли Йонг. — В смысле, правда?

— Конечно. Волноваться следует только о себе, Йонг. Не думай про то, что решат другие.

Этим они отличались кардинально: Йонг не умела бояться только за себя, а вот Рэвон жил в убеждении, что собственное благополучие важнее всего остального. Должно быть, в который раз подумала Йонг, этому его научила сиротская жизнь. Рэвон воспитывался в приюте при каком-то монастыре имени кого-то важного и мудро и рос без поддержки близких, а потому научился искать свой путь и идти по нему с уверенно поднятой головой. Мама Йонг заметила, что это хорошее качество, которое помогает ему в жизни. Сама она считала так же, но глубоко внутри испытывала жалость, перерастающую

в желание стащить Рэвона с намеченной им дороги, чтобы показать мир. Это рвение она подавляла в себе все полгода, с самой первой их встречи.

— Я думаю, ты права, Сон Йонг-ши.

— Да?

— Да. За чёрными дырами мир, в каком-то смысле, действительно наизнанку...

Они вышли на остановке перед парком: тот переходил в сосновый лес, окольцовывающий промзону, и говорили, что в тёмное время суток здесь лучше не гулять в одиночестве. Но сонбэ вёл Йонг по освещённым асфальтированным дорожкам, вокруг слышался приятный вечерний шорох и шум машин на скоростной магистрали, проходящей позади памятника адмиралу Ли Сунсину.

Йонг замерла в тени бронзовой статуи высотой с Будду и потянулась за смартфоном.

— Тебе так нравится этот памятник? — улыбнулся Рэвон. Девушка смущённо повела плечом, фотография вышла смазанной.

— Он же национальный герой, сонбэ. Самый крутой в истории Чосона.

Рэвон поморщился, но Йонг этого не заметила.

— В истории Чосона было много героев куда важнее выдуманного флотоводца.

Йонг повернулась к сонбэ, не успев сделать повторный кадр.

— Он не... ах, ты пошутил. Прекрати, сонбэ. Ли Сунсин — настоящий герой, а ты вечно оспариваешь его существование. Его же не выдумали.

Они обошли фонтан, пересекли растущие ровным рядом клумбы и углубились в парк, где невысокие клёны сменялись липами. Йонг поёжилась от резкого порыва ветра, и сонбэ придержал её за спину. А потом протянул

свой пиджак. Сон Йонг накинула его на плечи привычным уже движением, отметая прочь зародившиеся было сомнения: они ведь достаточно долго встречались для того, чтобы теперь вот так смущаться проявления чувств, правда, Йонг?

Рэвон прошёл вдоль рядов неровно посаженных лип, перемежающихся соснами, и повернулся лицом к замявшейся на повороте тропы девушке. Неяркий свет тянувшихся вдоль аллеи фонарей отразился в его блестящих глазах.

— Твой отец сказал, у тебя в роду были японцы? — спросил вдруг сонбэ. У него был приятный голос, и Йонг нравилось его слушать — он задавал вопросы мягко, отвечал спокойно и всегда со знанием дела, никогда не перебивал, в отличие от того же Тэгёна.

Сейчас же вопрос прозвучал вкрадчиво, голос не к месту дрогнул. Обратила ли Йонг на это внимание? Нет, поглощённая атмосферой вечера, она подумала: «Вот оно!» — волнение перед главным вопросом, нарастающее напряжение и покалывание в кончиках пальцев, словно сам воздух электризовался, готовя её к ответу.

Позже, вспоминая этот роковой день, Йонг так и не смогла понять, почему посчитала намёки сонбэ тем, чем они не являлись. Он казался ей до ужаса привлекательным со своим подчёркнутым вниманием, приятным голосом, хорошими манерами и милой улыбкой.

— Папа успел прочитать тебе целую лекцию, да? — Сонбэ пожал плечами, одно дёрнулось выше второго; Йонг тщетно пыталась согнать с лица широкий мазок смущения.

Сон Йонг познакомила его с родителями, те встретили Рэвона тепло и радостно, как будто уже приняли в семью и... Как могла она тогда думать о катастрофе, если всё шло к счастливому финалу?

— Папа родом из Пусана, его предки жили ещё при Тоннэ¹ в пятнадцатом веке, — медленно заговорила Йонг. Она подошла к сонбэ — тот ждал её, замерев в тени высокой сосны, и протянул руку, за которую Йонг радостно ухватилась. — У папы старый род, но он говорит, в его родословной были японцы. Кажется, это из-за Имджинской войны.

— А семья мамы? — спросил Рэвон, чей голос теперь звучал совсем глухо. Йонг чувствовала, как тепло его пальцев передаётся её ладони, как приятно покалывает кожу небольшой шероховатый шрам, пересекающий его руку. Она шла вслед за сонбэ, чувствуя, как её неуёмное сердце взбирается вверх по горлу.

— Мама тоже... — Йонг запнулась за корень дерева, Рэвон придержал её и сильнее сжал пальцы. — А почему... почему спрашиваешь, сонбэ?

Рэвон повернулся к Йонг.

— Родословная важна, если не хочешь допустить ошибку, — сказал он, отчего-то посмотрев в небо.

Йонг невольно потянулась следом за его взглядом и увидела Бай Ху, созвездие Белого Тигра, пробивающееся сквозь густую хвою.

— Красиво сегодня, — выдохнула она, но сонбэ вдруг остановился.

— У моей семьи тоже длинная история, — почти нараспев произнёс он, будто и не слышал неприкрытого ожидания в голосе Йонг. — Отца я не знал, а мать... что ж, — Рэвон замялся и договорил после заметной паузы: — Говорят, она была одной из многочисленных корейских наложниц Хидэёси.

Прежде сонбэ говорил, что не знал семью. Выходит, сегодня он доверился Йонг настолько, что готов был пове-

¹ Название города, от которого Пусан отделился в 1910 году и стал независимым городом.

дать даже самые малые крупницы воспоминаний из своего детства... Воодушевлённая этой победой, Йонг почувствовала, как её заполошное сердце пропустило пару ударов.

— Яп-японского полководца? — с голосом справиться не удалось — он зазвенел в тишине парковой зоны и затерялся где-то в густой листве окружающих деревьев. — Того самого, который напал на Корею в шестнадцатом веке?

Сонбэ и раньше говорил о далёком прошлом, словно сам жил во времена средневековых войн, но сегодня его слова почти не казались Йонг шуткой. Она отмахнулась от этих настойчивых мыслей и постаралась ни о чём не думать, кроме своего волнения.

— А ты знаешь историю, хубэ¹! — восхитился Рэвон. И добавил неожиданно строгим тоном: — Даймё² предлагал им мирное решение проблемы.

Йонг зависла в этом моменте и на секунду выпала из разговора. Сначала правда о родителях, потом это... Он никогда не называл её хубэ, каждый раз смеялся, когда она обращалась к нему как к старшему, говорил, что это ей следовало считаться сонбэ, раз она работала в пусанском космическом институте дольше него. Он никогда не рассказывал о себе так много... до этого вечера.

— Знаю... неплохо, — с заминкой и видимым усилием ответила Йонг. Если теперь он будет с ней откровенным, значит, этот вечер она себе не выдумала, верно?..

— Я думал, тебя привлекает космос, но родительское воспитание и в этом мире играет большую роль, — тихо произнёс сонбэ. — Впрочем, твой отец почти убедил меня, что это японцы завезли в Чосон перец.

¹ Обращение старшего коллеги к младшему по корейскому этикету.

² Крупнейшие военные феодалы средневековой Японии. Если считать, что класс самураев был элитой японского общества X–XIX веков, то даймё — элита среди самураев.

Он привёл Йонг к скале, подъём на которую открывал вид на весь Пусан и порт, и жестом пригласил следовать за ним вверх. Сон Йонг растеряла последние мысли, в голове набатом стучало только «наконец-то!», словно она ждала этого не каких-то полгода, а всю свою жизнь.

— Хорошо, что ты не стал спорить с мамой, она по-тащила бы тебя на свою экскурсию в музей... Ты хочешь показать мне город?

Рэвон не ответил, и Йонг прикусила язык. Не стоит сбивать своего парня с намеченного курса, ведь сейчас от неё ничего не зависит. Но сонбэ молчал всю дорогу до обзорной точки, и пока Йонг пыхтела, неуклюже взбираясь на шпильках по крутым каменным ступенькам, не проронил ни слова.

Нагорье распласталось перед вспотевшей Йонг на десяток метров, теперь она смотрела вниз на родной город, сверкающий вечерними прожекторами телевизионной башни, портовыми огнями и яркими жёлтыми окнами в жилых домах района Йондо.

— Никогда не привыкну к этому виду. А ты, сонбэ? *Рэвон-сонбэ?*

Он изменился в одно мгновение — или за то время, что вёл Йонг сюда, а она попросту не заметила, — и теперь выглядел... по-другому. Серьёзным, вовсе не таким, каким она его знала.

— Пойдём со мной, Сон Йонг.

Оказалось, их путь не оканчивался у панорамы Пусана. Йонг неуверенно взяла протянутую руку сонбэ и молча пошла за ним в черноту соснового леса, раскинувшего свои хвойные лапы по горе от подножия до самой вершины. Рэвон больше не смотрел на Йонг, он шёл вперёд, вскинув голову, надменно, холодно, и тот блеск, который она заметила у него во взгляде сегодняшним вечером, теперь не казался наваждением — он

был реальным, он вызывал дрожь в теле, и отнюдь не приятную.

— Ким Рэвон-щи? — голос Йонг сел на первом же слоге, она осеклась и засипела, пока сонбэ сжимал её руку и вёл куда-то в самую гущу леса.

— Ты же родилась в год дракона, Сон Йонг?

Вопрос распорол накрывающую этот вечер тишину окончательно, и та лопнула, как пузырь.

— *Чего?* — выплюнула от удивления Йонг. Замялась спустя мгновение, но опустила даже извинения за свой неподобающий тон. — В смысле, да. А что?

Йонг теряла терпение, как этот вечер — своё очарование.

— Я покажу тебе кое-что, *Сон Йонг-щи*, — сказал сонбэ и замер у высоких кустарников колючего можжевельника. Йонг попыталась затормозить, но споткнулась — чёртовы туфли! — и упала вперёд на Рэвона.

Стало вдруг холодно; сонбэ притянул её к себе — и Йонг резко выдохнула, тут же замечая, как воздух из лёгких превращается в пар. Листья кустарника заблестели в неровном голубом свете, словно по ту сторону находилась дорога, и мимо них проезжали редкие автомобили со светящимися фарами.

— Сонбэ? — прошептала Йонг. — Мне что-то не очень хочется здесь находиться...

Она поняла, что прогулка завела их в ту самую часть леса, о которой ходили нелепые слухи — будто здесь пропадали люди, а случайные прохожие видели что-то странное: города в тумане, людей в тёмных одеждах...

— Не волнуйся, Сон Йонг. *Я буду рядом с тобой.*

Рэвон посмотрел на неё и улыбнулся, и эта улыбка уже не сулила Йонг ничего хорошего, в этом она была уверена.

— Мы говорили про чёрные дыры, хубэ, — сказал Рэвон. — Хочешь посмотреть на одну из них?

Он держал Йонг за локоть и не давал отойти ни на шаг, хотя она уже вырывалась из его хватки, а свободной рукой отодвигал заросли кустарника. В лицо Йонг ударил ледяной ветер, таинственный свет лился под ноги, но это была не дорога с машинами.

Это была воронка из пустоты, которая заворачивалась внутрь себя прямо в воздухе. Искрились стволы стоящих плотным рядом деревьев, им из *ничего* отзывался гул.

Йонг смотрела на воронку не мигая, не сходя с места, даже на таком расстоянии чувствуя, что её тело тянет в самый центр.

— Ты считала, Сон Йонг, — вкрадчиво заговорил сонбэ, — что по другую сторону чёрной дыры весь мир вывернут наизнанку. Хочешь это проверить?

Йонг перевела стеклянный взгляд на Рэвона. Медленно помотала головой. Снова попыталась вырваться из неожиданной крепкой хватки всегда вежливого, уравновешенного сонбэ. Его пиджак свалился Йонг под ноги.

— Н-не хочу, — просипела девушка сквозь подступающие к горлу слёзы. — Не хочу,пусти, сонбэ. Отпусти!

— Сперва помоги мне, Сон Йонг, — произнёс Ким Рэвон упрямо. — Ты моя последняя надежда.

А потом упал в воронку, увлекая Йонг за собой.

Оказалось, что чёрные дыры в их Солнечной системе были ближе к Земле, чем полагали Тэгён и остальные. Но радости Йонг это знание не добавило.

2

Считалось, что при попадании в чёрную дыру человека должно сжать с одной стороны и растянуть с другой. Известная задача ставила вопрос: что случится раньше — оторвёт упавшему голову или расплющит тело?

Ответ учёных был — вначале оторвёт голову, а потом сотрёт тело.

Но, вопреки всем предположениям и гипотезам, тело Йонг не расплющило, и голова её осталась на месте: она зажмурилась, когда падала внутрь воронки, и открыла глаза, почувствовав лёгкое дуновение ветра, холодного ветра на своих щеках.

Ощущение казалось неправильным, даже с учётом всех происходящих событий. Она обнаружила себя посреди кромешной неоднородной темноты, воздух пах хвоей, в лицо Сон Йонг летели пыль и бархатистые листья — один мазнул по щеке и застрял в туго заплетённой косе.

— На другой стороне чёрных дыр, Сон Йонг... — заговорил сонбэ, о котором она на мгновение даже забыла, совершенно ошарашенная тем, что чувствует, — не время течёт иначе. А весь мир.

Йонг с трудом высмотрела в сумраке — то была не темнота, а глубокая ночь — силуэт Рэвона, стоящего посреди густо растущих сосен, из-за которых проглядывали неясные огни. Зажмурилась, заморгала, чтобы прогнать странное и нелепое до крайности видение, но он никуда не исчез.

Рэвон стоял в сосновом лесу в своём обычном костюме, смотрел на неё и вёл себя так, словно вообще ничего не случилось. У Йонг закружилась голова, она попыталась осмыслить происходящее, цепляясь за ту рациональную часть себя, которая всегда её выручала, даже в самых отвлечённых ситуациях.

— Где... где мы? — прохрипела Йонг первый вопрос, вспыхнувший во всё ещё дрожащем сознании. Скучный полдник из сладкой рисовой булочки и бананового йогурта запросился обратно, Йонг закашлялась и согнулась к земле, стараясь унять спазмы.

— По другую сторону сингулярности? — непривычно жёстко усмехнулся сонбэ. — В параллельной вселенной? В исторически важной точке времени и пространства? Называй как хочешь. Я скажу так: *мы в моём мире*.

Зрение привыкало к темноте и теперь различало некоторые детали. Сухие сосновые иголки ровным слоем покрывали каменистую почву; Йонг провела по ним носком туфли, расчищая проглядывающую землю, и тут же ударилась в набирающую обороты панику: всё ощущалось настоящим. Не надуманным её подсознанием или навеянным сном — она знала, что во сне не могло быть таких резких порывов ветра и такого холодного воздуха, а ещё во сне всё вокруг, пусть и подёрнутое полумраком, не могло быть настолько реалистичным.

— *Кегурё...*¹ — невольно выдохнула она, всё ещё слабо соображая. Слова сонбэ звучали как бред, фантастическая шутка.

— Не Когурё, — поправил её Рэвон и шагнул в сторону, открывая ошарашенной Йонг вид с пригорка, на котором они стояли. Только теперь она поняла, что внизу светят не портовые прожекторы. За стволами деревьев мерцали на приличном от них расстоянии редкие оранжевые огни размером со спичечную головку, неровно дрожали в темноте и вылавливали из неё углы деревянных построек, берег водоёма — море, то было море, кажется! — и качающиеся на его волнах лодочки. Крохотные, похожие на щепки в тёмной луже.

— Не Когурё, — повторил сонбэ, пока Йонг собирала в кучу последние живые клетки мозга. — Ты бы назвала это *Чосон*.

¹ «Хрень какая-то» (*корейск. сленг*). Современное выражение созвучно с названием одного из государств, находившихся на территории Южной Кореи в I–VI вв., Когурё.

— Понимаю, ты не этого ожидала, — сказал Рэвон. Пугающая ухмылка стёрлась с его лица, но легче не стало.

— Не *этого*? — почти задохнулась Йонг. — Я... Я даже не знаю, что *это* такое, и ты... — она попыталась облечь в слова весь свой шок и растерянность, и страх, уже стискивающий сердце в колючих пальцах, но смогла только втянуть ртом почти ледяной влажный воздух.

— Я прошу твоей помощи, Сон Йонг, — неожиданно сказал Рэвон. Йонг прищурилась, высматривая его бледное лицо в темноте соснового бора. Что это, сожаление в его взгляде? — Только ты можешь помочь моему народу.

Какому ещё народу?

— Какому... *Чего*? — выпалила от неожиданности Йонг.

Сонбэ вздохнул. Шагнул к ней, но Йонг отшатнулась и зацепилась шпилькой за корень сосны. Гравитация и страх сделали своё дело: Йонг вскинула руки, пытаясь уцепиться за воздух, и упала на спину, врезааясь в толстый ствол дерева. Пальцы проскользили по шершавой коре сосны, её повело дальше, и она полетела вниз с пригорка. Бледное лицо сонбэ дёрнулось и пропало в сумраке.

— Сон Йонг!..

Гора, на которой она оказалась вместе с Рэвоном, была не такой высокой, как в Пусане, и это её спасло: Йонг совсем недолго падала, кувыряясь и царапая себе локти, колени, ладони и щиколотки, и жмурилась, лишь бы колючие травы и шипастые ветки кустарников не попали ей в глаза. Приземление оглушило её, она стукнулась затылком о твёрдую холодную землю и только спустя болезненный удар сердца открыла глаза. Небо кружилось, звёзды сливались в единый поток, ослепивший её на мгновение, и тут же над ней нависли тени, много теней.

К теням прилагались мечи — блестящие в неверном свете растущей луны лезвия — и наконечники стрел, острые, точно иглы. Что это...

Испугаться ещё раз Йонг не успела: тени превратились в силуэты мужчин — чёрные фигуры в чёрных же кимоно с закрытыми до глаз лицами. Мечи троих указывали на Йонг, остальные спрятали оружие в ножнах на поясе, зато держали наготове луки со стрелами. Мечи указывали на Йонг. Стрелы взмыли в сторону спустившегося сонбэ.

— Сон Йонг! Ты... — Он замер в полуметре от незваных гостей, вскинул руки. — Она со мной, — договорил Рэвон низким, непривычным для Йонг голосом.

— Это ханрю? — спросил у него один из воинов. Сонбэ выругался и шагнул к Йонг.

— Да. Дайте помочь ей.

Мужчины в кимоно расступились, Рэвон вошёл в их круг, ни один мускул на его застывшем лице не дрогнул, и он подал Йонг руку, словно ничего не случилось.

— Вставай, хубэ. Поднимайся.

Йонг с трудом встала, ладонь Рэвона была липкой от пота и неприятной, она отдернула пальцы, едва обрела равновесие. Что же это...

Окружившие её и Рэвона воины стояли плотным кольцом вокруг, за их спинами Йонг высмотрела оранжевые огни — ближе, чем прежде, — и отвернулась от спрятанных под чёрными тряпками лиц. Раскосые глаза, кажущаяся жёлто-зелёной в неверном ночном свете кожа. Они все были при мечах и не сводили напряжённых взглядов с Йонг.

— Мы договаривались, что вы дадите мне время, — сказал Рэвон, чеканя слова.

— У тебя оно было, — перебил его воин, что говорил прежде. Его слова звучали грубо и искажались — то ли Йонг плохо слышала, оглушённая падением, то ли говорил

он с акцентом, разобрать который не было сил. — Ты свою миссию выполнил. Это точно ханрю?

Сонбэ кивнул, в темноте протянул к Йонг руку, схватил её за запястье и сжал. Она больше не пыталась вырваться. *Что же это такое?..*

— Да.

— Кто? — просипела Йонг. Мечи и стрелы в руках воинов дрогнули одновременно.

— Сон Йонг, — тихо сказал Рэвон. Она подняла к нему дрожащий взгляд — стало страшно, хотя Йонг ещё не осознала этого страха, просто почувствовала себя внезапно крохотной, мозг отказывался принимать действительность и не успевал обработать всю поступающую в него информацию. Эмоционально она всё ещё существовала в моменте в парке, прямо перед прыжком в чёрную дыру.

— С-сонбэ?

— Прости, — выдохнул он, — я хотел сделать всё не так, но у меня не осталось времени.

Как «так», Йонг узнать не дали — воин что-то рывкнул людям вокруг неё, двое схватили её под руки и оторвали от сонбэ, который даже не сопротивлялся, не пытался защитить её; Йонг молча упиралась, пока её уводили вниз по склону горы, дальше от воронки, дальше от сонбэ.

— Ты моя последняя надежда, Сон Йонг-щи, — повторил Рэвон ей в спину.

Крик застрял в горле; Йонг наконец нагнала саму себя во времени и пространстве, и паника схватила её за горло, мешала кричать, мешала дышать. В голове билось одно слово, набирало обороты, из вопроса превращалось в гнев: «Сонбэ? Сонбэ! Сонбэ!», но вслух она ни разу не позвала его. И он за ней не шёл, оставив на попечение неизвестных воинов с тяжёлыми мечами на поясе, с луками и стрелами в колчанах за спинами. От них пахло потом и грязью.

Йонг грубо ташили вниз по широкой тропе к оранжевым огням, не спросив её мнения, не выслушав, не дав объясниться, ташили и дёргали, когда она упиралась.

— Что же это... Что... — Йонг запинаясь о торчащие из земли корни деревьев, потеряла одну туфлю на склоне и теперь стирала в кровь голую ступню правой ноги и неуклюже хромала. Она почти плакала, но пока непонимание было сильнее страха. Куда её ведут? Кому она понадобилась? Что это за место?

Молчаливые воины, схватившие Йонг в кольцо из тел, утягивали её ниже, ниже в темноту, черноту ночи, к мерцающим огням, которые превращались в факелы.

Где-то за пределами внезапной паники и неприятия всего происходящего вокруг Йонг понимала одно: её уведут всё дальше от чёрной воронки, от портала, который мог бы привести обратно в её мир. Впрочем, даже несмотря на заверения сонбэ, она всё ещё полагала, что сосновый бор, приближающиеся факелы и десяток воинов ей померещились. Может, от волнения она упала в обморок, ударилась головой и придумала себе мир в кустах тёмной парковой зоны? Точно.

Но реальность, что ей привиделась, не хотела распалась на молекулы и растворяться в пространстве: Йонг привели к берегу моря, отделённому от соснового бора на небольшом нагорье только узкой полоской деревянных построек.

— Рэвон наконец-то привёл нам ханрю, — произнёс воин перед выросшими буквально из ниоткуда воротами, за которыми скрывались другие постройки. Стоящие у ворот стражники в пластинчатых доспехах с ржавыми пятнами на плечах кивнули и пропустили их внутрь.

— Иди, ханрю, — заскрипел в сторону Йонг воин. Кто-то ткнул её пустыми ножнами в спину, слева блеснул в свете факелов красноречиво обнажённый меч. Она

проглотила подступающие к горлу слёзы и шагнула на неширокий двор.

За деревянными воротами скрывались деревянные же дома на один-два этажа, все окружённые факелами. Здесь было много людей — мужчин, одетых в такие же кимоно, как у воинов, пленивших Йонг, и в доспехах, напоминающих японские, пластинчатые, какими пользовались ещё во времена сёгуната. Пока её вели к самому высокому и большому дому, она старалась не встречаться ни с кем взглядом, чтобы не навлечь на себя беду: казалось, все вокруг смотрят на неё с удивлением, неверием, шоком, рассматривают с головы до ног, словно она чудовище, которое наконец-то удалось поймать храбрым воинам.

— Это точно ханрю? — шептались вокруг, корейские слова перемежались неразборчивым грубым наречием. — Рэвон не ошибся? Ханрю — женщина?

Йонг не понимала, чем заслужила подобное отношение, и попыталась оглянуться: вдруг за спинами окруживших её людей покажется макушка сонбэ, который идёт за ней, чтобы всё объяснить и успокоить. Но его не было, Йонг видела только провожающих её взглядом мужчин, а потом пропали и они — широкие тяжёлые двери главного дома открылись, впуская её и воинский отряд, и тут же закрылись с громким скрипом. Что не предвещало ничего хорошего.

— Садись, — приказал ей всё тот же воин сиплым голосом. Перед Йонг поставили стул — прямо в центре тускло освещённого, огороженного деревянными балками зала.

— Я не понимаю...

— Садись, или я посажу тебя! — вместо ответа раздался рык — пришлось подчиниться. Она бы села и без приказов: ноги едва держали, а сдерживаемые слёзы, рвущиеся из груди, стягивали всё нутро, отчего держаться

прямо становилось невыносимее с каждой секундой, проведённой в душном зале.

Йонг села, её тут же схватили за руки, увели их за спинку скрипучего стула и стянули верёвкой. Она... она теперь пленница?

Ещё утром всё, что волновало её, заключалось в сонбэ и его улыбке, а теперь Йонг каким-то невероятнейшим образом оказалась на грани жизни и смерти. От страха казалось, что жизнь утекает из её груди с каждым тяжёлым выдохом, а смерть дышит в спину, обнажая клинок меча. Нет, не думать об этом. Может быть, суровые воины не станут её убивать, а всего лишь припугнут пленом и отпустят... обратно к чёрной дыре.

Воины разошлись по углам, растянулись вдоль стен и остались стоять там молчаливыми наблюдателями. Йонг сидела на стуле со связанными руками и молча плакала.

Здесь было душно, и воздух лип к коже, тяжёлый от грубого сладкого аромата, витавшего в метре от пола. Слезы на щеках Йонг тут же высыхали, превращаясь в чёрные солёные дорожки, слипались от туши ресницы, тушь стекала по щекам, а горло уже саднило до боли — Йонг сдерживалась, чтобы не разрыдаться окончательно.

— Для слёз тут нет места, — раздался в тени колонн мужской голос.

Его обладатель шагнул в тусклый круг света — от многочисленных свечей, окружавших зал по периметру, — и превратился в человека средних лет, облачённого в доспехи. Сонбэ сказал, что Йонг очутилась в Чосоне, но пока что все люди, которые ей попадались, выглядели совсем не корейскими воинами. Мужчина перед ней был в кирасе — металлические пластины, стянутые шнуром, закрывали живот и грудь, наплечники держались на широких плечах, по их обрамлению текла, точно кровь, ярко-алая нить шёлкового шнура. Такие доспехи назывались о-ёрой —

Йонг рассматривала подобные им в витрине пусанского исторического музея с пяти лет почти каждый год.

Такие доспехи носили японцы, и мужчина был не простым воином, а самураем, чья семья могла похвастаться знатным происхождением.

Самурай держался прямее и статнее тех людей, которые привели к нему Йонг.

— Удивлён, что вижу здесь женщину, — сказал мужчина на устаревшем корейском. Йонг присмотрелась к нему и не заметила ни меча на поясе, ни колчана со стрелами за спиной. — Мои люди, полагаю, тоже были поражены. До вас мы видели гостей из Священного Города совсем иного толка.

— Ваши... люди, — с сомнением начала Йонг, поборов новый приступ слёз, — меня похитили?

— Да, ситуация щепетильная, — покачал головой мужчина. Ему поставили стул прямо напротив Йонг, и он сел с абсолютно прямой спиной. У него были бледная кожа, узкие глаза в тисках выпуклых полных век, узкое лицо и редкая борода. Шлема Йонг не заметила, да и выглядел самурай так, будто надел доспех специально для неё. Мама на своих экскурсиях рассказывала Йонг, что о-ёрой нередко передавались из поколения в поколение в качестве символа знатного происхождения, фамильной ценности. Но выглядели доспехи боевыми — на отдельных пластинах в отблесках свечей выделялись засохшие, точно ржавчина, пятна... крови?

Должно быть, Йонг спятила. Откуда бы в Чосоне, даже если он ей не пригрелся, мог оказаться японский воин?

— Как вы находите это место? — спросил он.

— Меня сейчас стошнит, — честно сказала Йонг. Самурай запрокинул голову и засмеялся хриплым ненатуральным смехом, призванным, должно быть, разрядить обстановку. Но Йонг не врала: её в самом деле тошнило,

и человеку, сидящему прямо напротив неё, следовало бы прислушаться к словам пленницы.

— Наш дорогой Рэвон, должно быть, не успел рассказать вам о тяжком положении, в котором мы оказались... — игнорируя слова Йонг, произнёс самурай.

— Мы? — выплюнула Йонг. И повторила громче: — Меня сейчас стошнит, я не шучу.

— Ах... Принесите ей воды и чего-нибудь поесть.

Два молчаливых воина в тусклых белых повязках на руках отошли за границу света и скрылись в темноте. Самурай в их сторону даже не повернулся, он смотрел на Йонг и улыбался.

— Я прошу прощения за такой грубый приём, — снова затянул свою песню этот человек. Он говорил чище предыдущего воина, но всё же коверкая некоторые слова: обволакивал их в грубую форму и выплёвывал окончания. — Прежде нам не доводилось принимать девушек. Надеюсь, вы не будете держать зла на моих людей за такое обращение, они не хотели вам навредить.

— Как знать, — просипела Йонг сквозь ком в горле. — Это не я сама себя к вам приволокла и связала руки.

— Ах, — повторил самурай. — В самом деле. Развяжите её, прошу вас, и впредь не совершайте таких глупостей. Госпожа нежнее мужчин, помните об этом.

Воины, помедлив, двинулись к Йонг. Тот, который связал её, распутал узлы на руках и даже неуверенно поклонился. Йонг растёрла запястья, искоса оглядела стоящих рядом людей. Она понимала, зачем вокруг неё разворачивался весь этот цирк. Сперва напугай и поставь в некомфортное положение, лишив опоры, а потом сыграй в добрячка. Классический случай доброго и злого копа тут разыгрывали этот благородный с виду самурай и командир отряда, который приволок Йонг на постоянный двор и рычал, словно собака.

В зал вернулись люди с едой и кувшином воды, за ними внесли стол. Всё это водрузили между улыбающимся командиром и освобождённой Йонг без единого слова и лишнего действия. Йонг смотрела на них с зарождающейся злостью, которая начала одолевать её после рас-терянных слёз.

— Ешьте, милая, пейте, — пригласил мужчина и покровительственным жестом обвёл еду рукой. Йонг чуть не фыркнула. Она сказала, что её тошнит, а не что она хочет есть.

— Я не голодна, — плюнула она, даже не удостоив самурая вежливым обращением, но вовремя спохватилась: — Благодарю.

— Понимаю. Тогда, может, расскажете о себе?

Зачем?

— Зачем? — повторила Йонг вслед за сознанием, и мужчина вновь заулыбался неприятной улыбкой, елеинной, от которой становилось ещё противнее. Аромат сладких цветов, обёрнутый глухим кислым запахом, витающий в воздухе, исходил, казалось, от него. — Раз вы схватили меня, то вам известно обо мне уже всё, что нужно.

— Не всё, — медленно покачал головой самурай. — У нас в гостях побывали некоторые представители вашего Города, но вы — первая женщина.

У Йонг кружилась и пухла от всех этих слов голова. Она точно не оказалась посреди съёмочного процесса какого-нибудь сагыка¹, нет?

— И что? Принесёте меня в жертву богам? — про-блеяла она. — Сладите в дом кисэн²?

¹ Корейские исторические драмы, то есть сериалы.

² Корейские куртизанки, артистки развлекательного жанра, обученные танцам, музыке, пению, поэзии и поддержанию раз-говоров. Дома кисэн были особенно популярны в эпоху Чосон.

Мужчина опять улыбнулся. Что-то в его облике — кроме традиционных японских доспехов, кроме положения, в которое он её поставил, кроме улыбок, — смущало Йонг. Она не могла понять, что именно. Будто его лицо было одновременно знакомо и незнакомо ей. Будто она могла его видеть — сохранённый где-то в отдалённых уголках её памяти отпечаток из далёкого прошлого, дежавю.

— Мы никого не приносим в жертву, моя дорогая, — произнёс человек. — Вы попали к нам в непростое время, оно на исходе, и сейчас вы единственная, кто может помочь нам. Согласно словам нашего дорогого Рэвона.

Нашего? Дорогого? Йонг окончательно запуталась и решила, что больше играть в эти игры не станет.

— Я даже не понимаю, где именно нахожусь, — процедила она. — В каком времени? В каком городе? Что здесь вообще происходит?

— Ах, — снова повторил мужчина. Если он ещё раз ахнет, Йонг бросит в него кувшин с водой, тот как раз стоит аккурат рядом с ней. — Рэвон предполагал, что такое может случиться. Вы пришли в наш мир из *Священного Города*, моя дорогая. Разумеется, там могли не слышать о нас.

— Простите?

Он улыбнулся. Отодвинул чашу, склонился ближе. Йонг почти потянулась к нему в ответ, но вовремя себя удержала: этот человек уже пытался манипулировать ею, хотя был ей неприятен, а теперь заставляет её заглядывать к нему в рот? Нет, не бывать такому.

— Здесь идёт война, милая. Наши земли находятся под гнётом дурной династии. Они вырезают неугодных им наследников, находят глупых преемников, чтобы удержать власть в своих руках. Они отравляют родные земли и заставляют своих людей страдать ради их личного блага.

Бла-бла-бла. То есть ведут себя как большинство правителей большинства государств на протяжении столетий. Сонбэ сказал, что она попала в Чосон, да и всё вокруг напоминает Чосон, кроме этих ряженных в кимоно людей, но... В каком именно году она оказалась? Можно ли считать, что она попала в прошлое? Священный Город, о котором этот человек с жеманными улыбочками постоянно говорит, это будущее?

— Они держат в страхе всю страну, потому что обладают могущественной силой, — продолжал командир. Йонг невольно нахмурилась, он заметил это и просиял — значит она внимательно его слушала. — Она способна сжигать целые города. Уничтожать народы. Стирать с лица земли государства.

Неужели? Что это за сила такая? Огнестрел?

— Мы хотим свергнуть дурных людей с трона, чтобы в стране установились справедливые порядки. Понимаете меня, милая?

— Я не милая, — буркнула Йонг, которая устала и сидеть на жёстком стуле, и дышать приторно-сладким воздухом, и смотреть на улыбчивого противного человека перед собой. И слушать его тоже.

Это все сагьки виноваты, решила Йонг с напускной флегматичностью, которой не могла похвастаться ни в какое другое время. Мозг упорно отказывался принимать эту действительность за реальную: не могла Сон Йонг оказаться в каком-то лагере рядом с морем. Не могла стать пленницей скользкого человека в японских доспехах. Не могла быть нужной ему.

— Меня вряд ли касается ваша борьба за власть, — заявила Йонг.

— Хм, — задумался мужчина. — А вот тут вы не совсем правы.

Что?..

— Я неспроста сказал о могущественной силе правящего клана. Точно такая же есть у вас.

Приехали, куда не просили. Йонг запрокинула голову на спинку кособокого стула, которая скрипнула от усилия. *Очнись*, отчаянно думала она, приди в себя, во имя всех святых духов. Все происходящее тут настолько нереально, что не может быть даже сном — ей не снятся такие безумные фантазии о чосонских тёмных временах, о чёрных дырах, ведущих в другие реальности, о ряженных японцах в военном лагере... Ей ничего такого не снится, никогда не снилось.

Но принять всё за чистую правду Йонг тоже была не способна.

— У любой королевской династии есть наследники, найдите среди них адекватного и поставьте его у руля, — вспомнила она.

— Наследник королевской династии покинул страну, — сказал мужчина. — Полагаю, его убили. Власть не любит пустоты, и скоро на его место посадят послушную куклу. Мы хотели бы это предотвратить, но наших сил недостаточно.

Йонг смотрела на него, но мысленно уже считала деньги, которые придётся потратить на психоаналитика, когда её отпустит этот приход. Похоже, она сторела на работе — не стоило корпеть над дурацким отчётом три часа вместо обеда, надо было всё оставить руководителю Паку и сбежать вовремя.

— И вы хотите, чтобы я...

— Чтобы вы помогли остановить дурных людей, госпожа, — закивал человек и снова заулыбался, будто теперь они достигли нужного уровня понимания. А Йонг просто хотела, чтобы он закончил свою мысль поскорее.

— Но при чём тут я?

Человек не ответил — замялся, а потом его прервал глухой удар; тяжёлые двери дома, в котором держали Йонг,

распахнулись, ударились о стены, вызвав возмущение самурайской стражи, и в них прошёл Рэвон.

Одетый в японское кимоно тёмно-синего цвета, с белым оби, с белой повязкой на лбу. У него даже был меч, он нёс его в руках, а поравнявшись с Ёнг и женщиной перед ней, повесил на пояс отточенным движением и низко поклонился.

Не Ёнг. Человеку.

— Тоётоми-сама¹, — проговорил он в поклоне, и Ёнг решила, что ослышалась. *Сама?* Выглядящий совершенно органично среди японских самураев Рэвон обращался к сидящему перед Ёнг человеку, и потому до неё не сразу дошло.

Стоп. *Тоётоми?* Японский полководец шестнадцатого века? Тот самый, которого сонбэ упоминал в разговоре о предках? В каком веке она всё-таки оказалась?

— Сон Ёнг-ши, — позвал её сонбэ. Ёнг подняла к нему взгляд, но совсем его не видела: ситуация явно выходила из-под контроля, и больше списывать всё на игры разума Ёнг не могла. Вот бы её кто-то приложил головой об пол, вырубил на пару часов, чтобы она очнулась уже у себя дома или, в крайнем случае, в больничной палате, а какой-нибудь добрый доктор сказал ей, что она перетрудилась и потому нуждается в отдыхе.

За стенами дома зашумели: бегали и кричали люди, которых Ёнг до этого видела только мельком. Стало ещё тревожнее.

— Интересный выбор, Рэвон, — кивнул ему Тоётоми. — Надеюсь, в этот раз ты не ошибся.

— Я почти уверен, господин, — сказал тот, разом побледнев, и только потом повернулся к Ёнг. — Сон

¹ Японское обращение к начальникам гораздо более высокого служебного положения, чем говорящий, аналог обращения «господин».

Йонг-щи, в этом мире ты можешь стать сильнее и влиятельнее королевской династии и их приспешников. Ты спасёшь наш... мой народ и меня, если согласишься помочь нам.

— Чего? — огрызнулась Йонг. Рэвон и человек перед ней переглянулись, последний расплылся в довольной улыбке.

— В ваших жилах течёт могущественная кровь, госпожа Сон Йонг, — добавил улыбающийся *Тоттоми-сама*. — И мы позволим вам осознать свою силу.

— Я не...

Не понимаю. Не хочу понимать. Не хочу быть здесь.

Йонг взглянула на Рэвона, но не получила в ответ ни улыбки, прежде успокаивающей её даже в самые сложные дни на работе, ни простого кивка: сонбэ, которого она знала, теперь казался совсем чужим, сошедшим со страниц учебников по истории воином в стане японского военного лагеря.

— Сонбэ... — тихо позвала Йонг. Тот, помедлив, посмотрел на японского самурая и только после молчаливого одобрения присел на корточки перед ней. Его бледное лицо оказалось совсем рядом с Йонг, она поморщилась, невольно вдавливая себя в спинку стула. Этот человек не мог быть её парнем. Он был незнакомцем.

— Сон Йонг, уверяю, здесь никто не причинит тебе вреда.

Можно ли ему верить? Сонбэ пообещал, что её не тронут, а теперь Йонг сидела в доме, полном враждебных воинов, была пленницей незнакомца самурая с планами, в которые он пытался втянуть её, и Рэвон, одетый так, будто всю жизнь служил японцам, просил у неё невозможного.

— У меня нет никакой... — слабо запротестовала Йонг и осеклась, понимая, что голос дрожит от слёз

и злости, и все это слышат. Она зажмурилась, когда руки Рэвона коснулись её ладоней.

— Не плачь, Сон Ёнг, здесь ты в безопасности.

Она уже не плакала — злилась, мечтая проснуться. Пожалуйста, взмолилась Ёнг, пусть всё окажется противным липким сном или бредом, или глюками, или пусть она просто сошла с ума... Нет, пусть лучше Рэвон сошёл с ума, пусть это его нужно будет вести к психиатру и пичкать таблетками.

В конце концов, сонбэ привёл её сюда, не она. Сонбэ сидел перед ней, ряженный в японское кимоно, как на съёмках дорамы. Сонбэ рассказывал пафосные сказки вместо того, чтобы просить её руки и сердца.

Люди за стенами дома, в котором она была невольной пленницей, кричали, слышался звон мечей. Пока Ёнг молила всех известных ей богов и духов о пощаде, самурай отдал три коротких приказа на своём языке, воины вокруг неё зашевелились и выбежали из дома навстречу шуму.

— Я думала, ты хочешь просить меня о другом, — процедила Ёнг, выдавливая в слова обиду, и та ссыпалась ей в руки песком и горьким пеплом.

Воздух пах им на самом деле.

— Ёнг¹, — выдохнул вдруг Рэвон и встал, хватая Ёнг за руки. Ей пришлось подняться следом, на слабых ногах она едва могла держаться и схватилась за кимоно сонбэ влажными от невольных слёз и пота пальцами.

— Тоётоми-сама, уходите, — велел Рэвон самураю. — Я уведу ханрю.

Она бы расспросила явно сумасшедших людей, что всё это значит, если бы в этот момент крышу дома над головой Сон Ёнг весьма прозаично не сорвало резким порывом ветра. Сам дом тоже был хлипким и неустойчи-

¹ Дракон (корейск.).

вым, но крытую соломой кровлю унесло первым делом, и было из-за чего.

Люди за стенами, шумевшие всё то время, что Йонг включалась в нереальный разговор, теперь кричали в голос, стреляли в тёмное небо, и то отвечало им. Сперва две краткие вспышки осветили низко нависшие над ними облака, а потом прямо над Йонг, сонбэ и остальными из-за стен дома выросла *огромная тень*. Взвилась прямо из-за деревьев, впиалась в тёмно-серые облака, проскользила и нырнула вниз.

В небе, изрыгая вспышки ярко-оранжевого огня, извивался *дракон*. Длинное тело, переходящее в хвост, сверкающая в редких факельных огнях чешуя с коричневыми подпалинами, блестящие когти на длинных лапах. Йонг не смогла бы такое придумать даже в самом болезненном бреду. Нервы окончательно отказали; она закричала в голос, ей вторил крик сонбэ.

— *Йонг!* Сон Йонг, берегись!

Рэвон схватился за меч; дракон снова осветил пламенем грозящие пролиться дождём облака, и в неверном свете, глядя с земли, Йонг поняла, что летающий дракон больше похож на змею.

«*Серьёзно?! — искренне возмутилась Йонг, продолжая кричать от ненадуманной паники. — А дальше кто? Пу-санский тигр? Дух кумихо? Отель для призраков?*»

Рэвон замахнулся и бросил меч прямо в небо. Драконья тень мазнула Йонг по лицу, и внезапно оказалось, что он гораздо ближе, чем ей мерещилось: зверь спустился с густых облаков прямо к ней, дыхнул, опалая искрами и жаром стоящих рядом с ней самурайских стражников. Те кричали и падали, стараясь увильнуть от языков пламени, Йонг вросла в землю, на которой стояла, и не могла пошевелиться. Сонбэ лишился меча и закрывал собой Йонг.

— *Бежим, Сон Йонг!*

Куда?! Сонбэ поташил её за собой, крича воинам, но те в страхе разбежались, и посреди полупустого зала некогда целого дома Йонг и Рэвон остались одни.

— Защитить ханрю! — кричал сонбэ, а потом перемежал свои возгласы японской речью. Если бы в этот момент Тоётоми не отдавал приказы своим людям, те, вероятно, услышали бы Рэвона, но в рёве чудовища, что висел над Йонг и закрывал её своей устрашающей тенью, она не слышала даже себя.

— Давай же, Сон Йонг!

Она бежала за Рэвоном, продолжая кричать; в уцелевших дверях дома запнулась и полетела лицом в землю. Сонбэ попытался схватить её — и не успел.

Длинные когтистые лапы дракона, все в тёмно-коричневой чешуе, в темноте похожей на кору дерева, обхватили Йонг за талию, словно она была куклой и ничего не весила. Дракон взмыл в небо вместе с ней, стрелы, выпущенные самураями, будто зависли в воздухе, последняя просвистела мимо, задев Йонг по голой ступне; она этого не почувствовала. Дракон тащил её в облака, а она не могла даже закричать.

— Йонг! — кричал с земли стремительно уменьшающийся сонбэ. — Сон Йонг! Я спасу тебя!

В горле оседали пепел и морось от дождевых облаков. Сердце леденело от страха.

Самый настоящий дракон уносил Сон Йонг прочь от Рэвона в мире по ту сторону чёрной дыры. И Йонг больше не чувствовала себя во сне.

3

Кажется, она потеряла сознание где-то между горным хребтом, который отделял береговую линию от основной земли, и густым непролазным лесом, за которым скрыва-

лась новая деревня, чуть больше той, что Йонг уже видела. В себя она пришла в месте, где было больше света и больше воздуха: в четырёх стенах в доме, похожем на тот, куда её уже приводили. Этот был ещё старее, времён короля Конмина, не иначе.

Йонг решила сперва, что ей в очередной раз всё пригрзилось — и жёсткая деревянная лавка, на которой она очнулась, и стены вокруг неё, и дракон, и самураи, и сонбэ в японском одянии, и чёрная дыра, в которую она провалилась... После обморока нереальным ощущалось всё, даже неудачное свидание с Ким Рэвоном, пусть он на поверку оказался совершенно ненормальным косплеером. Но чем дольше Йонг лежала без движения в страхе пошевелиться, тем больше понимала, что её грёзы продолжают: она чувствовала грубую циновку, твёрдую поверхность самой лавки, чувствовала, как затекли и болят у неё плечи, а ещё то, с каким натяжением отзываются на каждое движение её рёбра.

Дракон обхватил её за талию, прежде чем взмыть в небо и унести прочь под перепуганные крики самураев и сонбэ. Кажется, под рёбрами у Йонг остались царапины от длинных острых когтей — блузка слиплась от крови и неприятно тянула кожу при малейшем движении.

В комнате, кроме неё, были ещё люди: по крайней мере, двое из них тихо переговаривались в дальнем от Йонг углу. Она побоялась открывать глаза и задержала дыхание, чтобы те не обнаружили, что она уже очнулась.

— ...как это случилось? — спрашивал первый голос, звонкий. — Думаешь, дракон становится сильнее?

— На этих землях у него мало власти, — отвечал собеседник тихо и твёрдо. — Возможно, всё дело в ночи — Лан сказала, сегодня инь глотает луну. Но дракон пробудился не из-за врат, они не связаны...

— Значит, из-за женщины? — перебил его звонкий голос.

— Сначала ребёнок, теперь она. — Ногти заскребли по деревянной поверхности стола. — Не думал, что Рэвон осмелится привести из Священного Города женщину. Какой в этом смысл?

— Рэвон терпел неудачи столько раз, неудивительно, что он отчаялся. — Первый собеседник подвинул стул — с глухим перестуком ножки встали на новое место. — Насколько я могу судить, это его последняя попытка выслужиться перед своей новой семьёй.

— Терпел неудачи Рэвон, а расплачивались за них представители Священного Города. Вспомни, что случилось с последним... Впрочем, не стоит сейчас об этом.

— Почему?

Скрипнули половицы под тяжёлым весом говорящего.

— Наша гостья очнулась.

Йонг вжалась в лавку, надеясь, что та поглотит её целиком и спрячет от чужих глаз: по полу застучали мерные шаги двух людей, одна тень нависла над Йонг, закрывая от неё и без того неяркий свет прорезающих комнату белых утренних лучей.

— Как вы себя чувствуете, *госпожа*?

Она открыла глаза не столько от страха, сколько от недоумения — не похож был его голос на того, кто собирается держать Йонг в плену, как она уже успела себе надумать. Из расплывающихся в воздухе очертаний, пятен тусклого света и теней под низким потолком сложилось лицо: смуглые нос и скулы, обрамлённые чёрными волнистыми волосами; те были собраны в слабый пучок на затылке, влажные пряди свисали вниз. Йонг на мгновение почудилось, что в его правом глазу отражается язычок пламени, и тут же зажмурилась, заморгала, пытаясь разогнать муть в голове. Мужчина стоял перед ней в плотной

чёрной рубашке, чогори¹, с тёмно-зелёным воротником и корымом². Он был похож на воина.

— Она в порядке? — послышался голос его недавнего собеседника. Тот стоял чуть поодаль, заглядывал через плечо воина распахнутыми в удивлении глазами. У него кожа была бледнее, черты лица тоньше, и весь он казался испуганнее своего друга, но одет был так же — разве что на нём наряд сидел хуже, словно был снят с чужого плеча. Его лоб закрывала неширокая повязка, тёмно-зелёная, с тонко вышитым на ней символом. Что это? Дракон?

— Госпожа? — переспросил первый.

«Что те, что эти — какая я им госпожа?» — вспыхнул в сознании Йонг протест, но она прикусила губу и отвечать не стала: в незнакомой обстановке лучше было притвориться глухой, немой, а порой и слепой, лишь бы враг решил, что ты безобидна. Жаль, эта мудрая мысль не пришла ей в голову в гостях у самураев.

— Кажется, она немая? — с сомнением спросил второй мужчина. Первый нахмурился, оглядел Йонг с головы до ног и протянул ей ладонь. Он что, рассчитывает, что Йонг возьмёт его за руку, вот так просто, будто они друзья-приятели? Кем он себя возомнил? На что надеется?

Да и потом, разве не собирается он допрашивать её и пытать в лучших традициях сагыков, каких Йонг в подростковом возрасте проглотила с пару сотен? Она сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как напряжение скользит вдоль ладоней вверх по рукам, и медленно села. Отодвинулась дальше от протянутой руки, к стене, вжалась в неё лопатками.

¹ Блузка или жакет корейского национального наряда, закрывает верхнюю часть тела и руки.

² Лента, которой чогори завязывается на груди.

Воин выпрямился, бросил на друга короткий взгляд и дёрнул плечом.

— Ты, должно быть, сильно напугана, — сказал второй, тот, что побледнее. — Прости нас, мы не хотели создать такое о себе впечатление.

— Конечно, она напугана, — заявил первый. — Она даже не понимает нас.

У Йонг были слабые представления о людях, проживающих в этом... мире? времени? моменте? — но второй напоминал ей выходца из благородной семьи, голубую кровь; по крайней мере, именно такими представлялись принцы и интеллигентные учёные в сагях, ученики академии Сонгюнган и летописцы. Он говорил чисто, тянул гласные, не коверкал отдельные звуки, а будто пел. Первый же явно походил и голосом, и манерами, и способностью держаться на командира отряда, кого-то, кто с мечом обращается куда лучше, чем с людьми. И говорил так же: хрипло, но уверенно, отделяя друг от друга каждое слово.

— Послушайте, — уже сердясь, произнёс воин и склонился к Йонг — так резко, что она дёрнулась и ударилась затылком об стену. — Нет, я не... Слушайте, я не хочу обижать вас. Мы не для этого вас спасали.

Йонг свела брови к переносице, сжала губы, и воин всё понял без слов — коротко кивнул, выпрямился, вновь загоразивая её от россыпи потухших свечей вдоль стен и пронизывающих комнату белых лучей утреннего солнца за спиной.

— Мы доставим вас к воротам и вернём в Священный Город в самое ближайшее время. Вы можете довериться нам.

С какой стати? Резонный вопрос, должно быть, отразился во всей позе Йонг: воин и его друг одинаково наклонили головы, замялись. Последний потянулся к мужчине и зашептал, но Йонг все равно услышала:

— Мы буквально выкрали её у японцев, вряд ли у неё найдутся достойные причины нам доверять.

— Вряд ли у неё будет выбор, — отбрил воин, ничуть не прячась. Потом снова переключил внимание на Йонг. — Вы в безопасности здесь, *юджон-ёнг*.

Йонг вновь нахмурилась: она не слышала прежде этого слова, непохожего на привычные ей обращения, непохожего даже на древние обращения и диалектные формы обращений. Должно быть, здесь так звали выходцев из чёрных дыр, не иначе. Или девушек, попавших в беду. Или пленниц.

— Она не поверит тебе, — покачал головой *юноша из Сонгюнвана*. — Я бы тоже не стал.

Воин покосился на своего друга, лицо пересекла хмурая ухмылка — уголок губ пополз к рассечённому уху с тонкой коркой засохшей крови на нём. Йонг это не понравилось, она шумно сглотнула подступившую к горлу густую слюну — страшно, душно, будто сам воздух обочивает её тело в плотный кокон.

— Как я и сказал, выбора у неё нет. Мы единственные, кто может помочь ей вернуться домой. После того как поймём, что ей ничто не угрожает, сразу же отправим в Священный Город.

Он покосился на Йонг; Йонг смотрела прямо на него, не мигая, и он чуть изменился в лице, стал ещё серьёзнее.

— Скажи, чтобы госпоже принесли поесть. Она наверняка голодна.

Воин развернулся и в три широких шага преодолел расстояние до дверей комнаты, распахнул их резким движением и вышел не оглядываясь. Бледный юноша кинулся за ним, немного помедлив в нерешительности у лавки Йонг.

— Эй! Эй, кто сказал, что ты можешь отдавать мне приказы? Разве я стою не выше тебя, а? Нагиль!

Двери неплотно закрылись, но перед этим Йонг заметила за ними коридор и приставленных к комнате стражников, по одному с каждой стороны. Два воина в кожаных доспехах, с мечами на поясе. *Вы можете довериться нам*, как же. Йонг отодвинулась так, чтобы сквозь щель в двери её не было видно, и осмотрелась внимательнее.

Тесная комната с невысоким окном, ставни которого скрипят при малейшем дуновении ветра снаружи. Низкие потолки, спёртый воздух, в носу свербит из-за гари от десятка потухших свечей, расставленных по периметру комнаты на деревянной же балке, — видно, их потушили недавно. Значит, сейчас утро. Значит, она пробыла без сознания всю ночь.

Двери резко открылись: Йонг вздрогнула в испуге, и появившийся за ними мальчишка с подносом в руках ойкнул и вжал голову в плечи.

— Ка-капитан сказал, что вы голодны, — прошепелявил он и вытянул руки. Стоящие на подносе глиняная чашка и миска задребезжали, мальчик опустил поднос на стол в углу комнаты и шмыгнул за двери, которые тут же захлопнулись.

На подносе остались стоять сероватая каша с комочками и мутноватая, не вызывающая доверия, вода. Даже если бы Йонг и хотелось есть, она бы к *угощению* не приотронулась. С чего вообще все в этом мире пытаются её накормить?

Йонг закашлялась; происходящее с ней казалось если не болезненным бредом, то как минимум приключением из дорамы.

Упала в чёрную дыру и очутилась в Чосоне — кому рассказать, не поверят. И нет бы тут её встретил кто-то приятный. Вот Айю утонула в озере и оказалась в купальне с кучей красавчиков-принцев, Ким Хисон вообще из её времени увёл прекрасный, как тысяча солнц, капитан

королевской стражи, сыгранный Ли Минхо¹. А что Йонг? Думала, что идёт на свидание, а в итоге сидит в душной комнатке под стражей, где-то неподалёку перемыывают ей кости растрёпанный воин и сонгюнгванский студент-ученый, и никто из них и близко не похож на красавца Минхо.

Вот бы Йонг всё вокруг просто приснилось — но она устала щипать себя за локоть и кусать губу до крови, стены комнаты не растворялись в тумане из грёз, сигнал будильника не вырывал её из безумного сновидения, а говорившие с ней были реальнее, чем ей хотелось бы.

Как и сонбэ, что привёл её сюда. Как и японские самураи и тот тип с елейной улыбочкой.

Как и дракон, унёсший Йонг из одного плена в другой.

Был ли он реальным или всего лишь игрой воображения вконец свихнувшейся Йонг, проверить это она могла единственным способом: на свободе, подальше от враждебных ей людей какой бы то ни было нации.

Сонбэ пообещал, что спасёт её, но здесь Йонг окружают десятки солдат, и Рэвон не сможет пробиться к ней в одиночку. Будут ли у него помощники? Хватит ли их сил? Эти вопросы были слишком тревожными, чтобы задавать их себе, и Йонг отодвинула их дальше в подсознание. Будет ли он искать её один или с войском — и будет ли искать вообще, — проще станет, если она окажется за пределами вражеского лагеря.

Значит, надо спастись самой.

Йонг хорошо слышала, как за дверью её комнаты ходили вдоль коридора стражники, как тихо перегова-

¹ Айю, Ким Хисон и Ли Минхо — актёры популярных южнокорейских дорам, главные героини которых стали поп-данками в прошлое.

ривались ещё какие-то люди. Они говорили с явным акцентом — хрипели, растягивали гласные, понижали голос там, где Ёнг обычно тянула верхние ноты. Звучали не так, как звучат пусанцы, да и на выходцев из столицы не походили.

«Должно быть, в Чосоне были совсем другие диалекты, и ввали историки о сохранении языковой чистоты», — решила Ёнг — и тут же себя одёрнула. Дура, вот сейчас-то зачем думать про диалекты и разговоры людей? Понять бы, в каком временном периоде очутилась...

Она встала с лавки, с удивлением обнаружив, что натёртые до крови ступни ей кто-то заботливо обмотал тряпьем и натянул поверх посоны. Одну туфлю она потеряла ещё на склоне после чёрной дыры, вторая обнаружилась у лавки рядом с парой сандалий.

Она встала, проигнорировала сандалии и шагнула к окну с закрытыми ставнями. Кажется, те легко отпирались (только бы не скрипели!), а высота окна позволяла вылезти через него наружу и оказаться если не на свободе, то на верном пути к ней.

Лишь бы стражники за дверьми ничего не заподозрили. Похвалив себя за находчивость — притвориться немой и тупой было очень кстати! — Ёнг схватила с пола несчастную туфлю и сломанным каблуком без усилия открыла ставни. Те скрипнули, Ёнг тут же испуганно охнула и, почти не глядя, прыгнула в распахнутое окно.

Думать надо было до того, как действовать. Эта светлая мысль пришла Ёнг в голову уже в листве хурмы, увитой плющом, которая росла прямо напротив окна её комнаты. Ветки дерева подстраховали её от ужасного падения на землю, до которой было метра три. Ёнг кое-как добралась до ствола хурмы и уселась, свесив вниз ноги. Густая листва прикрывала её со всех сторон, ветер

шелестел листьями, и внутри дома никто не запаниковал и не застучал по дверям её комнаты — значит у неё было немного времени на придумывание хоть какого-то плана.

Кажется, главные ворота были справа от главного дома — там было больше всего людей и шума их сонных голосов. Слева находился... амбар? Что-то похожее на амбар, в котором могли в равной степени хранить кимчи, казну и оружие, от мечей и кинжалов до винтовок с арбалетами. Были ли у людей этого времени вообще огнестрелы?

И почему, ради всех святых богов, Йонг раздумывает об этом в такой неподходящий момент?

Она прикинула свои шансы: расклад так себе. Если её охраняют, значит, она представляет собой какую-то ценность. Может быть, хотят выменять её у сонбэ на кого-то важного или выпытать у неё сакральные знания о будущем — она же из будущего к ним попала, верно? Или вернуть в какой-то Священный Город против её воли. Если её охраняют, значит, будут искать.

Местности Йонг не знает; что скрывается за воротами этого лагеря с кучей стражников, тоже понятия не имеет. Стоило бы спрятаться вон в том амбаре между бочками с кимчи и оружием, *или духи их знают чем*, и последить за ситуацией. Дождаться вечера, например: вечерний сумрак и тени укроют её от посторонних глаз, а дальше, если повезёт, она укроется в лесу и окажется в шаге от воспаления лёгких. Зато на свободе и ближе к Рэвону. Только бы вырваться из-под стражи.

В конце концов, она изучала тёмную материю, уж с людьми из Чосона сладить сумеет. Сумеет же?..

Йонг решила так: раз она не может очнуться от бреда, раз стандартные методики «разбуди себя ото сна» не помогают, она примет как данность то, что очутилась в Корее

времен эпохи Чосон. Чтобы не свихнуться окончательно. Чтобы не тратить силы на поиски логики там, где она даже не предполагалась. Чтобы разобраться со своим бесстынным положением как можно быстрее, а потом уже отправляться на поиски чёрной дыры, которая приведёт её в настоящее, и почившего разума, который, похоже, окончательно её оставил.

Да, так Йонг и сделает. Сперва разберётся со своим пленом и стражниками, а потом найдёт сонбэ или, если повезёт, чёрную дыру, через которую можно вернуться домой.

Стражники обходили периметр дома, загребая усталыми ногами песок. Йонг дождалась, когда очередная пара воинов зайдёт за угол, и только тогда попыталась спуститься с дерева. Веток здесь было много, она упиралась ногами в нижние и аккуратно снимала себя с верхних, цепляясь каблук туфли за кору дерева, стараясь не издавать лишнего шума и жалея даже, что в детстве не лазала по заборам.

Голоса новой пары стражников она услышала до того, как окончательно слезла, и потому, испугавшись, прыгнула вниз и кое-как откатилась к западной стене дома, у которой её на некоторое время укрыла плотная тень.

И тень заговорила голосом уже знакомого Йонг воина:
— Так и знал, что вы решите подышать свежим воздухом.

Йонг вскрикнула и замахнулась туфлей, но Нагиль, хмыкнув, лениво отбил её выпад. Он стоял совсем рядом с ней, опираясь плечом на стену, и смотрел на перепуганную Йонг сверху вниз. У него в руках были сандалии, он медленно опустил их на землю и пододвинул к ней.

— Я же обещал доставить вас обратно к воротам. Почему вы сбегаете, госпожа?

Её вернули в дом. Первый этаж тут заполняли юноши и девушки, одетые в одинаковые простые ханбоки с хлопковыми юбками с зелёной оторочкой и зелёные же чогори. Нагиль вёл упирающуюся Йонг под руку и отпустил, едва они перешагнули порог. К ним сразу же повернулось с десятка пар глаз: смолкли тихие разговоры и смех стражников; один, помоложе, тыкал второго в бок, на него шикали; служанки окинули Йонг оценивающими взглядами и покраснели при виде воина позади неё.

— Проходите, госпожа, здесь вы в безопасности.

Он столько раз успел повторить это «в безопасности», что Йонг окончательно разуверилась в его благородных мотивах. Если хотел спасти её и вернуть домой, зачем удерживает здесь? Меч, спрятанный у него в ножнах на поясе, без лишних церемоний намекал на ждущую своего времени силу, которую он мог применить.

Он и все остальные в этом доме.

Йонг прошла до лестницы, ведущей на второй этаж от просторного зала. Здесь толпились, выглядывая из-за деревянных колонн, и шипели друг на друга проснувшиеся стражники. Тихо шурша подолами юбок, мимо ходили любопытствующие девушки. Йонг остановилась, обернулась на молчаливо ждущего её решения воина. Тот смотрел на неё, не мигая, а потом перевёл взгляд на стражу, и те в одно мгновение скрылись из вида.

Стало тихо, напряжённо. Йонг решила, что вновь возвращаться в тесную комнатку не станет, и, раз уж она всё равно себя выдала, скрываться и дальше будет глупо.

— Зачем я вам? — спросила она и тут же услышала в ответ удивлённые вздохи со всех сторон.

Нагиль хмыкнул, скривил губы в подобии улыбки.

— Как я уже сказал, мы хотим вернуть вас домой.

— Так верните, — отрезала Йонг, вскинув подбородок. Нагиль был выше её почти на голову, и она дышала ему в остро очерченный кадык, обтянутый смугловатой гладкой кожей. Его вид и властная манера держаться могли бы испугать её, если бы перед этим Йонг не столкнулась с глюками пострашнее.

— Прямо сейчас, — начал Нагиль с таким видом, будто Йонг просила подать ей звезду с неба, — это будет непросто.

— Сюда же вы меня как-то приташили. Или вы боитесь дракона?

Притихшая было компания стражников, не успевшая покинуть общий зал, разом выдохнула, кто-то поперхнулся. Он бросил на них ещё один взгляд, и несколько человек встали с занимаемых ими лавок и промаршировали мимо, прямо к выходу.

— Вернитесь в комнату, госпожа, — процедил Нагиль сквозь зубы. Звякнул меч у него на поясе, и Йонг спорить не стала. Она поднялась наверх, след в след за ней шагала этот грубый стражник.

— Мы не боимся дракона, — сказал он, как только дверь комнаты за ним и Йонг закрылась. — Дракон служит нам.

Йонг повернулась к нему лицом.

— Так прикажите ему доставить меня домой, — сказала она. Будь что будет: хотел бы убить — сделал бы это ещё внизу, на глазах своих подчинённых, а не приводил бы в чистую комнатку.

Она нашла в углу стул и села, вытягивая уставшие ноги. Не стоило вести себя так опрометчиво во вражеском лагере... Только вот Йонг слишком устала. Гудело всё тело, мозг отказывался перерабатывать картинки, что транслировал ему зрительный нерв. Йонг уже отменяла вариант,

что попала на съёмочную площадку какой-то дорамы: всё тут было слишком реальным, да и боль под рёбрами от когтей дракона ощущалась так остро, что игнорировать её не было возможности.

Нагиль смотрел на неё, склонив голову, не двигаясь. Йонг прикинула, что шансов вырваться из-под его контроля у неё всё равно немного — ждал же он её под деревом. А теперь вот взирал на неё сверху вниз, словно она была его добычей.

Да и дракон, судя по всему, скрывался где-то неподалёку, а сталкиваться с ним вновь Йонг очень бы не хотелось.

— Понимаю, вы нам не доверяете, — сказал Нагиль. Йонг кивнула с некоторым удивлением — неужели понимает? — Но мы не желаем вам зла. Иначе предоставили бы условия пострашнее.

— В клетку бы кинули?

— Оставили бы японцам.

Йонг прикусила губу, боясь плюнуть коварное «меня найдут и спасут!», и опустила взгляд на свои перепачканные, порванные брюки. Хвастаться близкими отношениями с представителем вражеской стороны — так себе идея для девы в беде. Йонг подавила в себе желание растереть глаза докрасна. *Проснись, глупая, проснись!*

— Откуда мне знать, что вы не врётё? — спросила, наконец, Йонг и тут же пожалела о своих словах: по лицу Нагиля пробежала тень и тут же рассеялась от вспыхнувшей в глазах злости.

— Ниоткуда, — уронил он. — У вас нет причин доверять нам, но я прошу вашей веры. — Йонг шумно слотнула, покосившись на его меч. — Я верну вас к воротам, из которых вы пришли, как только мы убедимся, что войска генерала Тоётоми и человек, известный здесь как Ким Рэ-вон, не будут чинить вам препятствия.

На этом имени они оба — и Нагиль, и Йонг — одновременно поморщились, только он сделал это с некоторой злостью, а Йонг с недоверием.

— Не знаю, что Рэвон пообещал вам, раз вы добровольно прошли за ним через ворота, — добавил он, — но здесь ничего хорошего вас не ждёт. Вернуться домой — самое большее, на что вы можете рассчитывать.

— Я ни на что не рассчитываю, — оборвала его Йонг. Раздражение и обида оплетали все остальные чувства внутри неё, обволакивали усталость, сковывали горло — она заплакала бы снова, будь у неё возможность остаться наедине с собой, а не сидеть под наблюдением пары глаз, горящих не то праведным гневом, не то яростью по отношению ко всему живому. Если бы эта эмоция имела цвет, она стала бы красной, как языки пламени.

Йонг забралась с ногами на стул и опустила лоб на колени, шумно выдохнула.

— Могушество, власть какая-то... Я просто хочу домой.

И чтобы сонбэ вытащил её отсюда самолично и объяснил наконец, во что втянул. Или чтобы просто вернул домой, без объяснений. Йонг вернётся в Пусан, отоспится как следует и решит, что ей всё привиделось.

— Пока войска Тоётоми охраняют ворота, — заговорил Нагиль после паузы, — нам к ним не пройти, но...

Йонг вскинула голову, и он осёкся.

— Пойдите. — Она нахмурилась, села прямее. — Значит, я не ослышалась, *Тоётоми*? Тот, который воевал с Чосоном в шестнадцатом веке? Имджинская война и всё такое?

— Простите? — откровенно удивился воин. — Вы знаете про войну?

Йонг окинула его внимательным взглядом. Не похож он был на того, кто удивляется простым вопросам.

— Это... в школе проходят, — с сомнением ответила она. — На уроках истории... Война Кореи с Японией, подвиг корейского флота, адмирал Ли Сунсин... Послушайте, это уже смешно.

— Согласен, — кивнул Нагиль. Потом подошёл к дверям, рывком открыл их и рыкнул на стоящего снаружи стражника. — Чунсок, скажи Когтям, чтобы удвоили слежку за японским лагерем! Позови Ли Хона.

Он опустил голову к замершей Йонг и почему-то рассердился.

— Кажется, я знаю, почему Рэвон похитил из Священного Города женщину, — сказал воин. Его глаза пощёрнулись красной пеленой, и на этот раз Йонг точно не показалось — в них плескались языки пламени.

4

Они медленно шли чуть впереди Йонг — бледный юноша с тёмно-зелёной повязкой на лбу, на которой красовался вышитый золотой нитью свившийся в узел дракон, и угрюмый больше прежнего воин с горящим взглядом. Это не было преувеличением: Йонг замечала, как отражение солнечного света в его глазах вспыхивает сильнее каждый раз, когда он поворачивает в её сторону голову.

«Голубую кровь» звали Ли Хон, воин откликнулся на полное имя Мун Нагиль. Ни одно из этих имён не было знакомо Йонг: значит, они не являлись ни исторически важными личностями, ни выходцами из благородных кланов. Эти двое показывали Йонг лагерь, будто она напрашивалась на экскурсию, и уверяли, что здесь ей не грозит ни один японец.

Их лагерь был небольшим, его обнимали горный хребет с одной стороны и густой выжженный лес — с другой. Забор упирался в спускающийся почти к центру лагеря

склон, на вершине которого Йонг заметила крыловидную крышу с чёрной на фоне серо-голубого утреннего неба черепицей. Весь воздух был пропитан гарью, будто недавно здесь случился пожар.

— Японские войска захватили южную часть полуострова и продвигаются на север, но наш лагерь скрыт от них горным хребтом и густыми лесами, — говорил Нагиль отточенным до каждого звука тоном. Йонг слушала его вполуха, разглядывая плотным рядом составленные брусья ограды. Высоко, без подспорья не перебраться.

— Нас оберегает сила дракона, — добавил Ли Хон, и Нагиль наступил ему на ногу, пока Йонг не заметила.

— Врата в Священный Город в этот раз открылись на территории, отвоёванной самураями Тоётоми, — продолжил Нагиль. — Но я верну вас обратно. Как только выдастся благоприятный момент. И как только вы перестанете думать о побеге, госпожа.

Йонг запнулась от неожиданности и врезалась в спину замершего Нагиля. Ойкнула, сделала вид, что не понимает его последнего изречения, и вскинула голову. Он взглянул на Ли Хона, поймал его напряжённый взгляд и со вздохом протянул Йонг чёрный камешек — отполированную гальку неправильной круглой формы размером со сливу.

— Подержите, — попросил он тоном, который не предоставлял выбора. Йонг набрала в грудь воздуха, чтобы возразить, но Нагиль надавил: — Просто подержите, он не обожжёт вас.

Йонг с недоверием подняла руку. Горячий, нагретый теплом чужого тела, камень отражал блеск от ярко-голубого, почти белого неба, и лёг в руку Йонг, умещааясь на дне её ладони.

— И что это?

— Ничего.

Камень скользнул с руки Йонг обратно к Нагилю и потерялся в складках его чонбока, напоследок ярко блеснув. Очевидно, это не подарок, решила она, глядя в отчего-то сердитое лицо Нагиля. Не больно-то и хотелось. Смотреть ему в глаза было неудобно и неловко, и она повернулась к Ли Хону.

— Давайте-ка ещё раз, — попросила Йонг чуть злее, чем следовало. Ли Хон обернулся. Они шли мимо амбара, мимо деревянных построек меньше главного дома, в котором переодевались в лёгкие одежды воины, и приближались к воротам, охраняемым двумя стражниками. Ли Хон и Мун Нагиль рассказывали ей невероятные вещи: будто в стране война с японцами, будто те хотят завоевать их. Будто Ким Рэвон служит японскому генералу.

— Меня протащили через чёрную дыру, — медленно повторила Йонг, намеренно избегая упоминания сонбэ, и Ли Хон закивал, прикрывая глаза, — которую вы тут называете воротами в Священный Город, и я оказалась в Чосоне. В шестнадцатом веке в Чосоне. Прямо посреди войны с Японией.

— Она на удивление быстро схватывает, — высказался Ли Хон. Йонг перевела на него потухший взгляд, и тот поперхнулся воздухом. — Это поразительно. Ты знаешь наш мир!

— А люди, которых прежде приводили в *ваш мир*, ничего про вас не знали?

Ли Хон покачал головой. Это сбивало с толку: Йонг уже решила, что чёрная дыра, через которую она прошла вместе с Рэвоном, привела её в прошлое — другие люди, о которых ей говорили и японцы, и эти двое, должны были знать про Имджинскую войну.

Но Ли Хон сказал, что гостей было двое, и ни первый, мужчина, ни второй, подросток, про их страну и войну

с Японией ничего не слышали. Подростка Йонг могла понять — сейчас они все мало что помнили из истории родного государства, но первый мужчина должен был знать о прошлом чуть больше.

Йонг прижала руки ко лбу, чтобы успокоиться. Она пыталась медленно дышать, делать вдох на четыре такта и выдох на шесть, как учили их приезжающие в институт уджуины¹, но знаменитая техника не работала — от яркого утреннего света перед глазами всё плыло, и непокрытая голова нагревалась быстрее, чем тело справлялось с терморегуляцией. Не каждый день человек из двадцать первого века проваливался в средневековую войну за путь к Китаю.

Насколько Йонг помнила, война с Японией, в которую Корея оказалась втянута, изначально затевалась ради вторжения в Китай. Японские войска пришли на территорию Корейского полуострова с требованием обеспечить им свободный проход до Поднебесной. Корея отказалась помогать японцам, потому что боялась опустошения: у корейских войск не было ни мощи, ни достаточной подготовки, чтобы противостоять японским силам, если бы те начали разграблять земли Чосона.

Верхушка корейской армии состояла из аристократов, не готовых к реальным боевым действиям, и учёных мужей, которые знания ценили выше силовой подготовки. Пехота была слабо вооружена, пехотинцы носили китайские шлемы и шляпы, но не имели доспехов. Они хорошо и далеко стреляли из лука, но в ближнем бою проигрывали и в опыте, и в численности. К войне с Японией страна была не готова. Чосон рассчитывал на помощь Империи Мин.

¹ Так в Южной Корее называют космонавтов, буквально переводится как «космический знак».

— Тот человек, *Тоётоми*, сказал, что страной управляет дурная династия, — остановившись, вспомнила Йонг и тут же пожалела, что рассуждает об этом вслух. Мун Нагиль смерил её очередным взглядом, за которым скрывались духи их знают какие мысли. Йонг не нашла в себе смелости смотреть ему прямо в глаза. — Как зовут нынешнего короля?

— Его величество, — даже не смутившись, ответил Ли Хон вместо Нагиля. Йонг сердито поджала губы.

— Нет, имя, имя у короля какое? Ах, вы же не назовёте...¹ — Она не заметила, что Ли Хон и Нагиль снова переглянулись и одинаково пожали плечами. — Если сейчас идёт война с Японией, значит, на дворе приблизительно тысяча пятьсот девяностые...

— Тысяча пятьсот девяносто второй на самом деле, — вклинился в её бормотания Ли Хон. Йонг махнула рукой в его сторону — *помолчите, пожалуйста, не до вас*. Ли Хон отодвинулся с самым обескураженным видом.

— Нет, так я не вспомню... Какой ван² по счёту правит Кореей?

— Четыр... надцатый, — с запинкой ответил Ли Хон. Йонг кивнула и начала загибать пальцы и нараспев считать:

— Тхэ, Джон, Тхэ, Сэ, Мун, Дан, Се, Ёе, Сон, Ён, Джун, Ин, Мён, Сон...³ *Сон!* Сонджо, значит?

Ли Хон и Нагиль молча кивнули, Ли Хон больше не улыбался.

¹ Обращаться к королю по имени могли только равные ему, а называть его публично по имени было запрещено ещё и по религиозным соображениям: королевские имена считались священными.

² Титул правителя в странах китайского культурного влияния.

³ Корейская считалочка, с помощью которой дети запоминают имена королей династии Чосон: первые слоги имён указаны в исторической последовательности, так легче вспомнить, кто за кем правил.

— Откуда ты всё это... Ты шаман? Связываешься с духами?

По урокам истории и экскурсиям мамы Йонг помнила, что японские войска продвигались по территории Кореи стремительно и за пару месяцев смогли отхватить себе бóльшую часть страны. Король Сонджо бежал на север вместе со своей свитой, пока генералы корейской армии сдерживали натиск японцев.

К тому моменту Китай уже вёл войну с монголами и подавлял восстание на юге страны, а потому криков о помощи от династии Чосон не услышал. Или не поверил, если полагаться на исторические трактаты: военачальники Китая посчитали провокацией известие о том, что японские войска захватили почти весь Корейский полуостров за столь короткое время.

Но здешний генерал Тоётоми сказал, что страной управляет династия королей, убивающая наследников. Насколько мог быть прав человек, посягающий на чужую страну, когда называл Чосон своими землями?

Больше всего смущала причастность сонбэ ко всей этой истории. Йонг не всё знала о его прошлом, но и в страшных фантазиях не могла бы представить, что он может повернуть такой трюк ради того, чтобы показать свою девушку этому... кем он там ему прихотился?

— А откуда... откуда вам столько известно про японского генерала и его помощника? — осторожно спросила Йонг, чувствуя, как набухает в груди сердце. От страха, злости из-за этого страха и злости на сонбэ. Где бы он ни был, ему стоило бы явиться за ней сюда немедленно и забрать в знакомый мир, в Пусан двадцать первого века.

Нагиль и Ли Хон переглянулись, пока Йонг пыталась справиться с собой, и ответили с заметной паузой.

— Скажем так, он считает себя вассалом Тоётоми, но родился в Чосоне.

— Мы не знаем этого наверняка... — вяло запротестовал Ли Хон; Нагиль бросил на него предупреждающий взгляд, и тот умолк.

— Сонбэ на самом деле вассал японского генерала? — тихо повторила Йонг, с видимым усилием пытаюсь собрать расползающиеся мысли в кучу. Святые духи, ну что за бред... Она мотнула головой, и Нагиль вздёрнул одну бровь, а Ли Хон повернулся к Йонг.

— Это Ким Рэвона ты зовёшь сонбэ? — переспросил он и хмыкнул.

Йонг окинула «голубую кровь» сердитым взглядом, тот осёкся на полуслове. Поджал губы, повернулся к Нагилю за поддержкой, но получил лишь молчаливое сопротивление.

Сонбэ не сидел в соцсетях и не пользовался чатами, предпочитая звонить. Йонг считала это милой особенностью, но теперь всё обрело иной смысл — правдоподобный и оттого пугающий. Она помотала головой. Нет, прочь пока мысли о сонбэ.

— Значит, японский генерал, Тоётоми Хидэёси, в сговоре с...

— Хидэёри, — поправил Нагиль. — Его сын.

Это не соответствовало истине, той истине, по крайней мере, которая была известна Йонг. Она нахмурилась, снова схватилась за виски. Войну с Кореей затеял Тоётоми Хидэёси, талантливый полководец, объединивший Японию. На момент войны его сыну было меньше десяти, а в гостевом доме с Йонг разговаривал человек, проживший не один десяток лет. Выглядел он старше сонбэ, но морщин на лице Йонг не заметила, лишь пару седых волос на висках.

Получается, местному генералу было около тридцати-сорока... Как такое возможно?

— А его отец... — неуверенно начала Йонг и замерла, задумалась. — Его отец, разве не он возглавляет японскую армию?

— Его отец умер прямо перед вторжением, сейчас сын продолжает его дело и успешно продвигается в глубь страны.

Это расходилось с тем, что знала Йонг. Она начинала думать, что не просто попала в прошлое, а оказалась втянута в исторический период с какими-то нелепыми изменениями в сценарии. Или, может, историки вралы потомкам?

Испытывая не самые приятные ощущения, Йонг всмотрелась в лица стоящих напротив неё Нагиля и Ли Хона.

— Он сказал, что освобождает земли страны от дурной власти. Может быть, это вы мне врѐте, выдавая себя за защитников Чосона?

Нагиль усмехнулся — дёрнул губой, слишком поздно отвернувшись, и Йонг это заметила и нахмурилась. Слишком неприметный для капитана всех этих воинов, слишком скрытный для благородного рыцаря, готового защитить девушку, попавшую в беду. Впрочем, Йонг не могла судить объективно, сверяясь лишь с сагыками и образом, созданным красавчиком Ли Минхо, — и сейчас она хотела получить не эфемерную защиту, а ответы на бесконечные вопросы.

— Тебя в чужую страну заташил помощник японского генерала, а ты собралась им верить? — уточнил Ли Хон и скрестил руки. — Рэвон, конечно, красавчик, но не настолько, чтобы затмевать правду своим тщеславным профилем.

— Прекрати, ваше высочество.